

Секция X. Служебная лексика и фразеология

Система значений пространственных наречий как фрагмент ФСП локативности

Н. С. Алещенко

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

a_natalia@mail.ru

Функционально-семантическое поле локативности, пространственные наречия

Summary. This article is about the system of local adverbs as a part of local structures in the Russian language.

Язык, как известно, представляет собой системное образование. Функционально-семантические поля (ФСП), объединяющие средства разных языковых уровней, являются одним из способов систематизации содержательного пространства языка. По А. В. Бондарко, ФСП могут быть полицентрическими и моноцентрическими. Считается, что в ФСП локативности отсутствует противопоставление нескольких центров, которые отличались бы друг от друга по типу реализуемых функций. Поэтому данное ФСП обычно не относят к числу полей полицентрического типа. Вместе с тем в поле локативности отсутствует единая система противопоставленных друг другу грамматических форм, которая выполняла бы роль целостного грамматического ядра ФСП. Налицо комплекс разноуровневых языковых средств, способных к взаимодействию при реализации локативных функций, но не образующих целостную и однородную систему. Таким образом, локативность относится к той разновидности моноцентрических ФСП, которая отличается гетерогенным ядром.

В плане содержания пространственные отношения можно обозначить формулой $A + r + L$, где A — локализуемый объект, L — локализатор, т. е. объект, по отношению к которому локализуется A , r — пространственное отношение, связывающее объекты A и L . Всякий процесс, рассматриваемый в плане пространственных отношений, включает 3 фазы: начало, продолжение и конец. Начало и прекращение — перемещение, продолжение — статика. В то же время в языковых формах стихийно отобразились основные геометрические позиции, с которыми приходится сталкиваться человеку при определении положения субстанции в пространстве (локализация может быть представлена в виде точки, линии / плоскости, окружности).

Для выражения пространственных отношений в современном русском языке используются следующие основные средства: именные локативные группы с предлогами (*до поликлиники, возле остановки, из-за дома*), без предлога (*ехать поем*), глаголы (*стоять, находиться, располагаться*), наречия (*здесь, далеко*), прилагательные (*местный, здешний, московский*), а также придаточные места в составе сложноподчиненных предложений (*Где стол был яств, там гроб стоит*). Указанные средства, пожалуй, за исключением наречий, ранее уже были объектом лингвистического анализа (см., например, работу [2]). Поэтому предмет нашего исследования — локативные наречия (ЛН) в русском языке.

Использование наречий для выражения пространственного значения теснейшим образом связано с обозначением локализатора L . Наречия никогда не выступают в роли самостоятельной номинации места. Они имеют двоякую функцию:

а) уточняют локализацию, выраженную именной группой (*Этот город находится далеко на севере*);

б) локализуют предмет при отсутствии словесно выраженного локализатора; это имеет дело в двух случаях: когда

локализатор оказывается неизвестным, неопределенным (*Он уехал далеко*) или, наоборот, когда он известен говорящим и поэтому может специально не обозначаться; в последнем случае наречия места имеют местоименный, дейктический характер (*Я здесь не был*).

В нашем исследовании представлен опыт упорядочения ЛН в русском языке в виде системы значений как фрагмента ФСП локативности. Ранее уже совершались попытки классификации данных единиц, т. е. их организации на основе нерангового набора значений [5], однако вслед за трудами [2]; [4] и др. более точным нам кажется представление множества ЛН как иерархической системы, для чего необходимо выделить их семантические дифференциальные признаки, которые обладают свойством ранга. На начальном этапе исследования нам представляются релевантными следующие:

- местоименный / знаменательный характер ЛН: *где / далеко*;
- положительные / отрицательные формы (для местоименных ЛН): *куда / никуда*;
- дейктические / недейктические формы (для положительных форм): *куда / туда*;
- формы, которые могут / не могут быть вопросительными: *откуда / откуда-нибудь*;
- деадъективные / неадедъективные наречия (для неместоименных ЛН): *близко / снаружи*;
- статические / динамические отношения (для всех ЛН): *здесь / сюда, далеко / издалека*;
- выражение старта / финиша (при выражении динамических отношений): *отсюда / сюда, сверху / вверх*.

На основе перечисленных признаков выявляется система значений ЛН, которая в дальнейшем будет более детально исследована с точки зрения занимаемых наречиями синтаксических позиций. ЛН представляют собой целостную систему, которая, имея зоны пересечения с другими средствами выражения пространственных значений, тем не менее специфична и требует отдельного рассмотрения.

Литература

1. Бондарко А. В. Локативность // Теория функциональной грамматики. Локативность. Бытийность. Поссесивность. Обусловленность. СПб., 1996. С. 5–6.
2. Всеволодова М. В., Владимирский Е. Ю. Способы выражения пространственных отношений в современном русском языке. М., 1982.
3. Гак В. Г. Функционально-семантическое поле предикатов локализации // Теория функциональной грамматики. Локативность. Бытийность. Поссесивность. Обусловленность. СПб., 1996. С. 6–27.
4. Панков Ф. И. Функционально-семантическая категория адвербиальной локативности и система значений пространственных наречий в русском языке // Язык. Культура. Человек: Сб. научных статей к юбилею заслуженного профессора МГУ имени М. В. Ломоносова М. В. Всеволодовой. М., 2008. С. 269–292.
5. Пете И. Способы выражения пространственных отношений в русском языке в зеркале венгерского языка // *Dissertationes slavicae*. Szeged. 1973. № 8.

Семантическая структура конструкций мотивации со скрепой *все равно*

Л. М. Байдуз

Тюменский государственный университет

lbayduzh@gmail.com

Конструкции прямой мотивации, категориальный статус служебного слова, границы варьирования мотивируемого и аргументации

Summary. The aim of this paper is to reveal the specific features of constructions of motivation, which are formed with the help of the particle-clip «ANY WAY» («ВСЕ РАВНО»). We also define the semantic structure of the motivated and motivating components of these constructions.

Известно, что, наряду с подчинительными союзами, причинные конструкции уровня сложного предложения (СП) 386

могут организовываться и служебными словами гибридного характера, с нечетким грамматическим статусом, которые

остаются малоизученными. Одним из них и является дискурсивное слово *все равно*, которое может употребляться как в позиции союза (точнее — самостоятельно, без союза оформлять конструкцию): (1) *Вот и окончилась наша программа «Пока все дома». Расставшись с вами, мы всю неделю не будем находить себе места. В эфире. Однако мы просим вас: не волнуйтесь. Через неделю все равно увидимся («Пока все дома». 09.04.1998)*, так и в позиции конкретизатора при союзе: (2) *Все пьесы стараются ставить с музыкой. О постановке не особенно заботятся, потому что все равно ничего не видно (Н. Тэффи)*.

Категориальная принадлежность служебного слова *все равно* по-разному квалифицируется в лингвистических источниках: фразеологизм [5: 83], наречие, семантика которого поясняется с помощью синонимичных сочетаний: «1. <...> При любых обстоятельствах, в любом случае, несмотря ни на что. <...> — *Всиль как следует непутевому сыну, только прости. Все равно уже ничего не изменишь*» [4: 71].

М. И. Черемисина и Т. А. Колосова, проанализировав и пересмотрев всю терминосистему, относящуюся к номинации аналитических средств связи частей сложного предложения, ввели в научный обиход такие понятия, как «скрепа», «функтив», «аналитический показатель связи» и ряд других [6]; [8]. Принимая во внимание связующую функцию служебных слов, фиксируем термином «скрепа», который может быть использован применительно к любому сегменту выраженному средству связи частей СП, и особый синтагматический и смысловой потенциал анализируемого нами служебного слова *все равно*, мы выбираем в качестве рабочего для номинации его статуса термин *скрепа*. Особый смысловой потенциал показателей каузальной связи М. В. Ляпон характеризует следующим образом: «Реляционные единицы, оформляющие связь каузального характера, существуют в естественном языке не как рафинированные логические знаки причины, а в прагматически адаптированном виде. Смысловой компонент, отражающий внутренний диалог говорящего и адресата, концептуальное столкновение участников коммуникации и является той ключевой семой, которая способна превратить реляционную единицу (частицу, наречие, риторическую формулу развернутой структуры, гибридное слово неопределенного категориально-морфологического статуса и т. п.) в аналог причинного союза» [3: 116].

Подчеркивая основополагающую, «несущую» роль показателя связи в формировании полипредикативной конструкции, М. И. Черемисина отмечает: «Сложное предложение как знак языка в плане выражения с необходимостью предполагает знаменательные переменные (если говорить о причинных конструкциях, то это их смысловые звенья «мотивируемый компонент конструкции» и «мотивирующий компонент». — Л. Б.), тогда как константой, которая определяет лингвистическое существование данного знака и его тождество самому себе (в системе варьирования), является показатель связи, отношения между этими переменными» [8: 160].

Попытки определения индивидуальной семантики, «индивидуальной прагматической программы» [3: 120] скрепы *все равно* в конструкциях мотивации предпринимались в [1]; [2]. По наблюдениям автора, она «организует фрагмент подя причинности, включающий мотивацию как побуждений, так и высказываний повествовательного характера (в том числе и риторические вопросы), специфика которого может быть определена как обоснование оптимальной для исполнителя программы действий, исходящей из жестко заданных параметров, из некоего положения вещей, которое не может быть изменено ни при каких обстоятельствах. При любой целустановке данной программы, определяющейся

характером ее субъектно-адресатной оси, т. е. тем, формулирует ли ее человек сам для себя (при повествовании) или же получает от прескриптора (в побудительных высказываниях), она может иметь 2 варианта: «оптимистический» (конструктивный) и «пессимистический» (деструктивный). В первом случае исполнитель программы, действуя в очерченных, не зависящих от его волевых усилий рамках, т. е. не имея выбора, пытается извлечь из ситуации пользу, некий положительный для себя результат; во втором случае он вынужден отказаться от своих планов. Первый вариант можно определить как формульную установку: *Не теряй возможности (используй обстоятельства)*, а второй — *Не трать силы зря (не старайся)*. Так или иначе, оба эти варианта объединяет то, что в них программируется и обосновывается (с помощью мотивирующего компонента конструкции, вводимого сочетанием *все равно*) рационально выстроенная в заданных рамках деятельность» [2: 20]. Таков общий смысл первого «знаменательного переменного» конструкций мотивации, формируемых скрепой *все равно*.

Содержание аргументации, второго компонента конструкций, также имеет определенные пределы варьирования, причем «пессимистический вариант» является абсолютно преобладающим по частоте встречаемости. Он реализуется при выражении безнадежности и бесполезности совершаемого или планируемого в повествовательных и побудительных высказываниях с отрицанием, с модальными предикатами *бесполезно, не стоит, напрасно, зря, нельзя*, в высказываниях с риторическим вопросом (*а зачем?* и т. п.): (3) <...> *жениться они не могут, потому что жить им все равно негде и ничего хорошего их не ждет (А. Варламов)*; (4) *Кровью вымокли мы под свинцовым дождем — И смирились, решив: все равно не уйдем! (В. Высоцкий)*.

Источником «оптимизма», приводимым в качестве аргумента при обосновании действий в заданных («невывираемых») условиях (вариант 1), может служить напоминание исполнителю программы о том, что это для него не затруднительно, потому что в рассматриваемый момент он или ничем не занят, или уже исполняет действия, которые могут быть совершены попутно с «программируемыми»: (5) — *Засиделись мы у вас, Михал Михалыч! — Да сидите, сидите! Я все равно не сплю с этими записками тут (А. и Б. Вайнеры)*; (6) — *Я сейчас поймаю такси и довезу тебя домой, мне все равно на Кутузовский (Т. Егорова)*.

Литература

1. Байдуж Л. М. Особенности употребления дискурсивного сочетания *все равно* в конструкциях мотивации побуждения // Русистика: функциональный и семантический аспекты. Тюмень, 2001. С. 146–153.
2. Байдуж Л. М. Конструкции со скрепой ВСЕ РАВНО в системе средств выражения причинно-следственных отношений // Проблемы интерпретации в лингвистике и литературоведении. Новосибирск, 2002. С. 19–21.
3. Ляпон М. В. Прагматика каузальности // Русистика сегодня. М., 1988.
4. Рогожникова Р. П. Толковый словарь сочетаний, эквивалентных слову. М., 2003.
5. Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А. И. Молоткова. М., 1978.
6. Черемисина М. И. Союз как лексическая единица языка (Лексема или функция?) // Актуальные вопросы лексикологии. Новосибирск, 1972.
7. Черемисина М. И. Сложное предложение как знак языка // Черемисина М. И. Теоретические проблемы синтаксиса языков разных систем. Новосибирск, 2004.
8. Черемисина М. И., Колосова Т. А. Очерки по теории сложного предложения. Новосибирск, 1987; (Изд. 2-е, испр. и доп. М., 2010).

К вопросу о предлогах-сращениях

Е. Н. Виноградова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
ekaterinavin@mail.ru

Предлог, предложная единица, сращения, сложные предлоги

Summary. The abstract discusses Russian prepositional complexes such as *iz-pod* and *iz-za*. It shows that the quantity of these prepositions is much larger than traditional Russian Grammar states.

В русском языке традиционно выделяются два нейтральных парных предлога-сращения: *из-за* и *из-под* и два област-

ных, устаревших, просторечных предлога *по-за* и *по-над* [3], [6], [5], [4]. Работа над «Материалами к грамматике русско-

го предлога» (о проекте см. [2]) показала, что в речи употребляется гораздо более широкий круг предлогов, образующих комбинацией двух (или трех) первообразных предлогов, расположенных контактно и управляющих словоформой одного существительного. Ср.: *Кардинал — высший сан католического духовенства, кроме папы, которого избирают из среди себя кардиналы* (Даль); *Из промеж листочков выбежал стебелек с почкой, а из почки наверху, вышли зеленые листки* (Ушинский).

Анализ реальных употреблений показал, что такие сложные однопадежные моносубстантивные сочетания первообразных предлогов не только системны в русском языке, но и сами демонстрируют системность в морфологическом и семантическом плане. Прежде всего, отметим, что в нашем материале зафиксировано как слитное написание таких единиц, так и написание через дефис: *из меж* и *из-меж*, *из над* и *из-над*, *из среди* и *из-среди*. Представляется, что правописание таких предлогов конвенционально, ср. их слитное написание в славянских языках: *понад*, *поза*, *почерез* (укр.), *zza*, *spod* (польск.), *iznad* (сербск.). В то же время подобная вариативность в написании свидетельствует, с одной стороны, о том, что эти единицы еще не «установились» в языке, о переходном характере этих единиц (от узуса к норме), а с другой стороны, о восприятии в сознании авторов семантики каждой из составляющих такого сложного предлога отдельно, или наоборот сложного предлога как единого целого. Подобная графическая вариативность заставила авторов «Материалов к грамматике русского предлога» отказаться от традиционного термина предлоги-сращения, поскольку он применяется к единицам, оформленным дефисом; рассматривать же предлоги *из среди* и *из-среди*, *из перед* и *из-перед* как разные по структуре не представляется целесообразным. Поэтому по отношению к данным единицам используется термин первообразные сложные моносубстантивные предлоги.

Морфологическая системность первообразных сложных моносубстантивных предлогов заключается в том, что они могут «наследовать» как управление первого предлога в их составе, так и второго. Таковы, например, предлоги *из-между чего* и *из-между чем*, *из-над чего* и *из-над чем*, *из-перед чего* и *из-перед чем*, *по-за что* и *по-за чем*: — *Я, конечно, отошел в сторону, спрятался по-за корчму и стою* (Куприн, [6]); *Здесь Чичиков ... скорее за шапку, да по-за спиною капитана-исправника выскользнул на крыльцо* (Гоголь, [6]); *Ее основателем считают древнегреческого философа, ученого-энциклопедиста Аристотеля, который выделял логику из между других наук...* (Инт.); *...если выбирать из между почитателями святого полумесяца и православными, отмечающими Рождество на две недели позже нас, то альтернатива ясна* (Инт.).

С точки зрения семантики рассматриваемые предлоги могут выражать следующие типы отношений:

1. Пространственные:

а) директив-старт: *...из спокойных вод учинилась темновидная клокочущая смола, изливающаяся из среди пучины по*

всему Варяжскому понту... (М. Чулков, 1766–1768, НКРЯ — Национальный корпус русского языка, www.ruscorpora.ru.);

б) директив-финиш: *Становится грустно, как послушаешь толки женщин о предстоящем им переселении по-за Пермь — в Сибирские страны* (Добролюбов, [6]);

в) локатив: *Город развернуло и как лента из перед нами расстелился Невский* (Инт.); *По-над Доном сад цветет, Во саду дорожка* (Кольцов, [6]);

г) трасса: *В деревне могут быть собаки...* — *говорил Иван, — еще попадут под велосипед...* *пойдем по-за выгоном* (Вс. Иванов, [6]).

2. Причинные: *Мне мысль одна эта противна, жениться из-за денег* (Л. Толстой, [5]);

3. Реляционные (отношения «части-целое»): *Если кто из-среди нас предпримет такое путешествие, мы уж... с изумлением таращим на него глаза* (Гоголь).

4. Временные: *Я видел только их лётчиками из второй мировой или из перед войны, но всех у меня нет* (Инт.)

Анализ семантики сложных первообразных предлогов позволил выделить 2 группы [1]:

1. К семантически сложным предлогам относятся единицы, в которых каждая составляющая сохраняет свое собственное значение. Наши наблюдения показывают, что именно в эту группу входят предлоги, выражающие пространственные и временные отношения. Такие предлоги имеют двойную ориентацию в пространстве и времени: *по-за* — «вдоль какого-либо места, расположенного за чем-либо»; *из-перед* — «из временного периода, предшествующего чему-либо»; *из между* — «из места между чем-либо и чем-либо»: *Вылезала два раза вчера из между стенкой и столом, осматривалась в дыру между плинтусами* (Инт.).

2. Семантически опрошенные предлоги — это предлоги, имеющие одно целостное значение: *опоздал из-за автобуса*. В эту группу попадают предлоги, выражающие реляционные и причинные отношения.

С неизбежностью встает вопрос о статусе многих из этих единиц: они не являются кодифицированным, не относятся к норме, однако, прекрасно «вписываются» в систему языка. Активность рассматриваемых единиц в речи, как представляется, делает актуальным их дальнейшее изучение.

Литература

1. Всеволодова М. В. О некоторых вопросах грамматики русских предложных единиц: проблемы синтактики. В печати.
2. Всеволодова М. В., Клобуков Е. В., Кукушкина О. В., Поликарпов А. А. К основам функционально-коммуникативной грамматики русского предлога // Вестник Московского университета. Серия 9. «Филология». 2003. № 2.
3. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд. М., 1999.
4. Русская грамматика / Под ред. Н. Ю. Шведовой. Т. II. Синтаксис. М., 1982.
5. Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. 2-е изд. М., 1981.
6. Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. М.; Л., 1948–1965.

К проблеме изучения русских частиц с точки зрения их полифункциональности

Т. А. Волкова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

tanusha_msu@mail.ru

Частица, наречие, полифункциональное слово

Summary. The research is focused on studying Russian particles. Identifying a word as belonging to particles often presents difficulties, which stems from a variety of meanings and modal nuances it may have. A hybrid nature of many particles (e. g. their correlation with words of other parts of speech) also causes problems. The words that change their meaning and grammatical characteristics depending on the context are called polyfunctional. There are many such words within a class of particles.

Частицы как часть речи являются одним из наиболее трудных для описания и лингводидактического представления классов слов. Это обусловлено, в первую очередь, многообразием выражаемых ими смыслов и яркой модальной окрашенностью. Наиболее известная дефиниция этой части речи принадлежит В. В. Виноградову, внесшему большой вклад в разработку вопроса о частицах. В его книге «Русский язык. Грамматическое учение о слове» частицы определяется как «несколько небольших групп слов, которые объединены общими свойствами гибридного полуграмма-

тического, полулексического типа и промежуточным положением между наречиями и модальными словами, с одной стороны, и союзами — с другой» [2: 545]. Отмеченная в этом высказывании гибридная природа частиц и их связь со словами других частей речи неслучайна, так как внутри этого класса действительно существует обширная группа слов, по форме напоминающих союзы, модальные слова и наречия. Среди последних — такие лексемы, как, например, *где, куда, как, так, там, тут, здесь, определенно, решительно, положительно, ровно, точно, лучше, больше, ско-*

рее и некоторые другие. Однако сходство частиц со словами других категориальных классов не ограничивается только формальной стороной. Подобные лексемы, будучи полисемичными и употребляясь в различных высказываниях, актуализируют то или иное свое лексическое значение (лексико-семантический вариант), что зачастую сопровождается изменением их частеречного статуса. Это зависит, прежде всего, от линейно-интонационной структуры высказывания: его актуального членения, типа ИК, порядка слов. Сравните: *Играй лучше, / тебя не слышно и Лучше играй, / а не разговаривай*. Такие слова, реализующиеся разными лексико-семантическими вариантами того или иного категориального статуса в зависимости от контекстуального окружения, вслед за Е. А. Брызгуновой, принято называть **полифункциональными** [1: 880].

Свойство полифункциональности присуще словам различных частей речи. В отношении частиц можно говорить о полифункциональных единицах, выступающих в качестве частиц и союзов (*а, благо, будто, ведь, да, даже, если, же, и, или, ли, но, однако, пусть, пускай, разве, ровно, словно, тоже, только, точно, хоть, что, чтоб, чтобы*), частиц и местоимений (*все, всего, какое, оно, самое, себе, тебе, чего, это*), частиц и глаголов (*бывает, бывало, было, давай(те), дай(те), знай, смотри*), частиц и предлогов (*вроде*), частиц и междометий (*эк, спасибо*), частиц и наречий (*буквально, благо, во (прост.), вовсе, вон, вот, где, действительно, единственно, еще, именно, как, куда, ладно, нечего, ничего, окончательно, положительно, просто, прямо, решительно, совершенно, совсем, так, там, хорошо*).

Рассмотрим подробнее группу полифункциональных слов, способных выполнять в различных высказываниях функции частиц или наречий. На данный момент выявлено около 50 таких лексем, различных с точки зрения строения и характера номинации.

По форме подобные полифункциональные слова можно разделить на простые (*как, так, где, куда, там, тут, здесь,*

ровно, точно, решительно, положительно, определенно) и составные, образованные в результате редупликации (*вот-вот, только-только*). Среди простых выделяются полифункциональные слова, выступающие, с одной стороны, как частицы и наречия в положительной степени (*ровно, точно, определенно, положительно, решительно, где, куда, как, так, там, тут, здесь*), а с другой — как частицы и наречные компаративы (*лучше, больше, скорее*). В свою очередь, среди полифункциональных слов, совпадающих в одной из своих реализаций с наречиями в положительной степени, можно провести дальнейшее разграничение по семантическому принципу и выделить слова, непосредственно называющие признак (*ровно, точно, определенно, решительно, положительно*), и слова, лишь указывающие на него (*как, так, где, куда, там, тут, здесь*). Заметим, что лексемы, составляющие последнюю группу, также неоднородны в семантическом отношении: одни из них способны являться вопросительными словами (*как, где, куда*), другие — невопросительными (*так, там, тут, здесь*).

Говоря о служебных частях речи, часто отмечают их связь и мотивированность словами других категориальных классов. Однако сама эта связь и механизмы, регулирующие выбор той или иной грамматической формы в каждом конкретном случае (для частиц и наречий такие формы совпадают, так как эти части речи неизменяемы), остаются малоизученными. Представляется, что более детальный анализ частиц с точки зрения их полифункциональности может способствовать лучшему пониманию специфики этой части речи и ее дальнейшему изучению как в русской, так и в иностранной аудитории.

Литература

1. Брызгунова Е. А. Интонация и полифункциональные словоформы // Современный русский язык / Под ред. В. А. Белошапковой. 3-е изд., испр. и доп. М., 1997.
2. Виноградов В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М., 1986.

К вопросу об операциональных методах категоризации предложных единиц

М. В. Всеволодова, О. В. Кукушкина, А. А. Поликарпов

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

mvsevol@mail333.com, kukush@orc.ru, anatolp@philol.msu.ru

Категория предлога перманентно находится в поле внимания лингвистики. В последнее время усилился интерес к единицам, выполняющим функции предлога, но далеко не всегда полностью сменившим свою частеречную принадлежность. Их привлечение в категорию предлога не означает смешения и неразличения категориальных классов слов. Лингвисты выделяют их терминологически, ср. «отыменные релятивы» у Е. С. Шереметьевой, лексические и фразеологические предлоги у Г. А. Шигановой. Такого типа выделения неизбежно несут некоторый субъективный момент. Мы предлагаем некоторые операциональные методы разграничения предлогов и их эквивалентов. Представим нашу дефиницию предлога. «Предлог как часть речи — это класс служебных лексических единиц, служащих (в синтетических языках, в том числе, в русском — вместе с субстантивным падежным окончанием) средством выражения семантико-синтаксической роли существительного (или его субститута, или других единиц) в высказывании и (в некоторых случаях obligatory) средством введения их (предложных единиц) в предложение. Каждый предлог обладает своим лексическим значением (иногда ослабленным), вносящим свой вклад в значение синтаксемы существительного или его субститута, и определяет падежную форму последнего («управляет» ею, в том числе и именительным падежом). Предлог не есть часть морфологической формы слова, но входит на правах составляющей в синтаксическую форму слова — синтаксему» [1].

Таким образом, в дефиниции предлога выделяются две функции:

1. **Семантическая функция** предлога — это конкретизация роли вводимого им имени в денотативной структуре высказывания, ср.: *на юге* — локатив, *к югу* — директив-вектор, *из муки* (олады) — фабрикатив, *под муку* (банка) — дестинатив.

2. **Формально-синтаксическая** функция предлога (как и флексии падежа) — введение существительного в синтаксическую структуру на правах словоформы, к которой может быть поставлен вопрос от другой словоформы. Важен характер вопроса. Это вопрос падежной формы, включая предлог, если он есть. Сама падежная форма вопросительного местоимения обусловлена грамматической валентностью предлога и собственного значения не несет. Можно сказать, что собственно падежный вопрос ставится от предлога. От каждого предлога мы можем поставить чисто формальный, «падежный» вопрос: *с кого-чего?, с кого-что?, с кем-чем?, по кому-чему?, по что? (вода по колено), по ком-чём? согласно с чем?, по отношению к кому-чему?* От этих вопросов следует отличать вопросы смысловые типа: *бежит быстро — как бежит? Книга Маши — чья книга?*, на которые можно ответить разными частями речи: *быстро, прихрамывая, с криками; Маши, Машина, её*.

К настоящему времени выявлены следующие методы.

1. Это предложенные Т. С. Тихомировой принципы определения перехода одной части речи в другую: 1) расхождение в лексическом значении исходной словоформы и деривата; 2) выпадение деривата из морфологической парадигмы исходной словоформы; 3) потеря синтаксического потенциала исходной части речи.

2. Наличие морфосинтаксической парадигмы (синонимико-вариативного ряда), членом которой является данная единица.

3. Возможность постановки падежного вопроса от предложной лексемы.

4. Невозможность элиминировать из предложной единицы (ПЕ) образующий компонент.

Проиллюстрируем результаты применения этих операций и некоторые выводы из них.

1. Е. С. Шереметьева очень убедительно представила семантические различия в «отыменных релятивах» типа *в случае / на случай войны и в случае Петра / с Петром* [3]. Но операциональные методы выявляют и другие различия. ПЕ с припредложным событийным именем имеет значение условия *в случае войны* или цели и условия: *на случай войны* = 'если будет / была бы война', не свойственное существительному **случай**: «То, что произошло, случилось, происшествие» [2: 757]. Слово **случай** со значением условия выступает только в этих двух формах и ни в каких других, ср.: **к случаю войны*, **для случая войны*, **случаем войны*, **в случаях войны* и пр. Эти словоформы выпали из парадигмы слова **случай**. Словоформы *в случае*, *на случай* не могут быть употреблены без имени актанта, которого не требует значение слова **случай**. Эти единицы «не впускают» определения: **в ближайшем случае войны*, **на такой случай войны*. Они отвечают всем характеристикам собственно предлогов. Единица *в случае* с предметным именем типа *в случае Петра / в случае с Петром* сохранила свое лексическое значение, она не выпала из парадигмы слова **случай**: *говорить о случае Петра, вернуться к случаю с Петром, характерно для случая с Петром*; в ней сохранилась позиция определения: *в последнем случае Петра / с Петром, во всех случаях Петра / с Петром* и под. Эта единица еще не предлог.
2. Многие такие ПЕ образуют целую парадигму, ср.: *в цвет платя / платью / к платью / с платьем*; *в добавление чего / чему / к чему / с чем*. Базовая единица такой парадигмы, например, *в цвет чего*, *в добавление к чему* не выпадает из парадигмы склонения. А другие члены парадигмы нужно признать предлогами. Но невыпадение базовых ПЕ из падежной парадигмы образующего слова компенсируется самим вхождением их в такой ряд. У аналогов предлогов типа *в пределах / вне пределов чего* есть семантическая парадигма — набор значений в рамках одной функционально-семантической категории: места, времени и под. У определенных единиц есть морфосинтаксическая парадигма. Сама парадигма свидетельствует о предложном статусе единицы, входящей в нее.
3. В словарях предлог часто характеризуется как наречие, когда он может выступать, не присоединяя имени. Ср. статьи *вслед*, *мимо*, *наперерез*, *наперекор* и мн. др. в [2]. Но о собственно предложном статусе таких слов свидетельствует их интерпретация в словарях, когда называется имя актанта, вводимого данным словом, а это — в соответствии с дефиницией предлога — именно его функ-

- ция. Ср. интерпретации из [2]: *вслед. нареч.* По следам *кого-чего*, непосредственно за *кем-чем*; *мимо. нареч.* Минуя *что-л.*; *наперез. нареч.* Пересекая *кому-н.* путь; *наперекор. нареч.* Несогласно с *кем-чем-н.* Ни от одной из приведенных в РГ-80 наречных словоформ нельзя поставить падежного вопроса к какому-либо имени, а только «смысловые» вопросы к самим наречным словоформам: *куда?*, *как?* и т. п. Соответственно, все случаи, когда от словоформы можно поставить «падежный» вопрос, мы характеризуем как предлоги. Отсутствие припредложной формы, объясняется текстовой парадигмой предлога, наличием antecedента, ср.: *Тебе чай с сахаром или без?*
4. При внешней идентичности ПЕ в случаях (1) *подойти ближе / близко к окну* и (2) *стоять ближе / близко к окну* структурно различны. В (1) налицо предлог *к* и его конкретизатор — компаратив или наречие семантически облигатные, но конструктивно факультативные: их можно изъять из предложения: *подойти к окну*. В (2) из единиц *далеко / недалеко / близко от кого-чего* *стоять* слова *далеко / недалеко / близко* изъять нельзя. Ср. польск. *Szukam pracy na wakacje niedaleko Warszawy* («Ищу работу на каникулы недалеко от Варшавы». Инт.); чешск. *Blízko domu je krytý bazén* («близко от дома / к дому / с домом есть крытый бассейн». Инт.). И значит, именно *близко*, *далеко*, *недалеко*, *ближе*, *дальше* здесь первоначальные предлоги, а обязательные в русском *от*, *с* и *к* — более поздние вставки-экспликаторы, формирующие его парадигму. *Фундамент близко от забора*. (Инт.); *Сниму домик в Хосте близко с морем*. (Инт.); *Мы были совсем близко к взрыву*. (Инт.). Изъять *близко* или *ближе* из этих предложений нельзя. И значит, это ПЕ. Асемантичность предлогов *к / с / от* (в принципе инвариантных) подтверждает это. Ср. случай, где налицо наречие, которое можно изъять: *Кто знаком близко с форматом microMV?* (Инт.); — *Кто знаком с форматом microMV?* Так можно определить функцию и частеречный статус словоформы.

Литература

1. Всеволодова М. В., Клубюков Е. В., Кукушкина О. В., Поликарпов А. А. К основам функционально-коммуникативной грамматики русского предлога // Вестник Московского университета. Серия 9. «Филология». 2003. № 2.
2. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд. М., 1999.
3. Шереметьева Е. С. Отыменные релятивы современного русского языка. Семантико-синтаксические этюды. Владивосток, 2008.

Предложные единицы славянских языков и механизмы Языка

М. В. Всеволодова, Т. Е. Чаплыгина

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
mvsevol@mail333.com

Предложная единица, парадигма, механизм функционирования, морфосинтаксический тип

Лингвистическая парадигма вплотную подошла к исследованию функционирования Языка. Функционирование Языка предполагает наличие определенных механизмов — правил «поведения» языковых единиц при решении коммуникативных задач говорящего, алгоритмов их выбора и употребления, которые в системе Языка должны иметь свое место и которые могут быть описаны в грамматике каждого языка. Анализ предложных единиц (предлогов и их функциональных эквивалентов) в рамках межнационального проекта «Славянские предлоги в синхронии и диахронии: морфология и синтаксис»¹ выявил некоторые из таких механизмов и позволил понять в первом приближении эти «правила поведения». Представим их.

1. Наличие мощных синонимико-вариативных рядов предложных единиц, имеющих одно и то же денотативное значение и не способных образовать оппозицию типа 'не... а...', (например, **Мой дом не против, а напротив магазина*; что говорит о полной синонимии современных предлогов *против / напротив* в локативном значении) противоречит утверждению о законе экономии в Языке.

2. В тексте все формы «работают» как синтаксические, а не морфологические формы слова. Поэтому оказалось необходимым представлять предлоги как составляющие некоторого класса синтаксем с учетом их разрядов: свободных, обусловленных или связанных.

3. Выявлены обширные классы словоформ, в определенных условиях выполняющих функцию предлога, но вместе с тем остающихся в рамках своей части речи — корреляты предлогов: словоформы параметрических существительных типа *длинной, со скоростью сколько единиц* [2] и компаративы типа *больше, не менее сколько единиц* и т. п., вводящие квантитативы.

4. Системны случаи изоморфизма уровней предложения и предложной синтаксемы. 1) Конвертируемость системна и для многих предложных единиц, ср.: *Продаю машину в придачу с двумя новыми колёсами* и: *В придачу с машиной продаю два новых колеса*. (За недостатком места мы не приводим источники, откуда взяты примеры. Но все примеры документально зафиксированы.) 2) Актуализационная парадигма, то есть набор реализаций с разным порядком ком-

¹ Российскую сторону в 2002–2003 гг. поддерживал фонд РФФИ (грант № 02–06–80435). Российскую и белорусскую часть проекта в 2004–2005 гг. — фонд РГНФ (грант № 04–04–78403а / Б); в настоящее время проект поддерживает РФФИ (грант № 07–06–00343–а).

понентов синтаксемы в разных коммуникативных структурах предложения, ср.: *С машиной продаю два новых колеса в придачу; Работаю не только славы ради, но и денег для.* 3) Предлог мотивирует смысл, но не форму управляемого слова: *в бытность кого в России / на Украине / под Орлом* и пр.

5. Славянские языки максимально эксплицируют и конкретизируют и смыслы, и формальную зависимость между своими единицами. 1) Экспликация смыслов реализуется методом синонимических редупликатов и конкретизаторов. 1) Синонимические редупликаты — повтор синонимичных предлогов или союзов при введении одной знаменательной единицы, ср.: *К вопросу дефолта / О дефолте* и: *К вопросу о дефолте. Жить вблизи моря / у моря — жить вблизи у моря.* 2) Конкретизаторы — другие части речи, уточняющие смысл предлога. Это могут быть скаляры: *пришел задолго до урока*; векторы: *в личных / в научных интересах профессора*; авторизаторы: *длиной примерно метр.* 2) Формальные зависимости реализуют экспликативы — предлоги, теряющие свое инвариантное значение, ср.: *жить вблизи моря = вблизи к морю = вблизи от моря = вблизи с морем = вблизи до моря*, — где *к, от, с, до* синсемантически и синонимичны. Вместе с редупликатом *вблизи у моря* эти реализации входят в морфосинтаксическую парадигму предлога *вблизи*. Экспликативы, равно как и изменение формы припредложного существительного типа *в цвет платья* — *в цвет платью* «изымают» предлообразующее существительное (*цвет*) из его парадигмы и превращают в собственно предлог. Ср. *подобрать шляпку к цвету платья, гармонировать с цветом платья, говорить о цвете платья*; и невозможность таких образований с вариантами *цвет платью / к платью / с платьем*; что заставляет нас признать образуемые ими единицы *в цвет* чему, *в цвет к* чему, *в цвет с* чем собственно предлогами.

6. Морфосинтаксическая парадигма формируется также за счет: 1) форм числа управляемого существительного: *к вопросу дефолта — к вопросам дефолта; работать в интересах страны / в интересе страны*. Новая единица, как правило, дублирует всю парадигму исходной; 2) изменения падежной формы существительного при том же первичном предлоге: *работать в интересе страны / в интересе*

страны; в контраст с чем / в контрасте с чем; 3) вариативности управления самой предложной единицы: *в цвет платья / в цвет платью; в стиле Лариса Долина / в стиле Ларисы Долиной*. Отметим: 1) Значительное количество случаев припредложного именительного. 2) При наличии вариативности (например, *во благо* Нд/Нр) форма обуславливается: а) свойствами припредложной единицы, ср.: *действовал во вред каждого и мне; работать во благо общества и себе* (личные и возвратное местоимения при предлогах *во вред, во благо* выбирают форму Нд); б) порядком слов в синтаксеме, ср.: *на доске длиной два метра — на доске двух метров длиной*.

7. Выявились и не отмечаемые в грамматиках явления синтагматики. Кроме существительных они системно управляют числительными и количественно-именными группами, которые часто «ведут себя» не так, как существительные, ср.: *на высоте второго этажа — на высоте два метра пять сантиметров*. Есть предлоги, присоединяющие инфинитив: *Как ты насчёт пообедать?; О забыть не может быть и речи*; наречие (и в нашей грамматике нет списка таких предлогов): *уйти в никуда, отложить на потом, появиться из ниоткуда* и др.; предлоги, присоединяющие предикативные единицы разного уровня: *Отложим встречу на когда сдадим экзамены; К вопросу «Наши дети должны хорошо учиться»*. И даже другие предложные синтаксемы: *Перенесли на после экзамена*.

8. Морфосинтаксические типы своими дихотомическими оппозициями формируют полевою структуру, что показывает: помимо функционально-семантических полей в Языке есть и функционально-грамматические поля, в отличие от первых, всегда в принципе полицентричных, моноцентричные, но так же, как и ФСП, образующие органичное единство многогранной дихотомии и поля [1].

Литература

1. Всеволодова М. В. Типология славянского предлога. Системность: категории и парадигмы // XIV международный съезд славистов. Славянское языкознание. М., 2008. С. 119–144.
2. Судзуки Р. Русские атрибутивные конструкции со значением «параметрическая характеристика предмета» и функционирование в них компонентов предложного типа (в зеркале японского языка): Автореф. ... канд. филол. наук. М., 2008.

Специфика отражения пространственных отношений средствами атрибутивно-локативной языковой модели

Л. И. Горбунова

ГОУ ВПО «Иркутский государственный университет»

ludgorbunova@mail.ru

Локативное прилагательное, адъективная приставка, предлог

Summary. The paper is devoted to studying of adjectives and adjective prefixes role in reflecting of space relations. Specific character of meanings and functions is described on a background of noun with a pretext.

В русском языке имеется 4 типа пространственных моделей: субъектно-локативные, предикатно-локативные, объектно-локативные и атрибутивно-локативные. Атрибутивно-локативные конструкции квалифицируются как периферийные, как модификации объектно-локативных конструкций, а относительное прилагательное (особенно префиксальное), поскольку оно является синтаксическим дериватом, признается дублирующим значение существительного с предлогом (*командировка за границу — заграничная командировка, орбита около Земли — околоземная орбита*). При этом в ряде работ утверждается, что вторичные модели должны приобретать новые функции [3]; [1]. В последнее время интерес к семантике единиц, связанных отношениями трансформации, вызвал к жизни проблему изучения синтаксических дериватов в новом аспекте, которая формулируется как определение степени расхождения синонимичных конструкций и тем самым выявления их специфики (см. [3]; [5]). Последовательно проводится мысль о том, что «меняя у лексемы часть речи, мы отчасти меняем и ее семантику» [8: 34].

Пространственное прилагательное не просто выражает признак предмета через его отношение к другим предметам, а называет признак или признаки, формирующиеся на основе этого предметного отношения. Именно поэтому не каждое существительное конкретной семантики, способное вы-

ступать в качестве локализатора в объектно-локативной модели, может стать производящим для пространственного прилагательного, т. е. участвовать в процессе синтаксической деривации, хотя никаких формальных препятствий этому нет: *на стене — настенный, подо льдом — подледный, НО на стуле — *настульный; на шторе, за шторой — *нашторный, *зашторный*.

Пространственные прилагательные, которые, в отличие от предложно-падежных конструкций, обозначают постоянные связи предметов, типизируют мысль (см. [4]; [7]; [9]), например, *междугородный автобус, напольная ваза, надгробный камень, подглазурная живопись пристольный круг*. Определяя пространственную ориентацию предметов относительно друг друга, прилагательные показывают не только то, как расположены предметы в пространстве, но и группы предметов, устойчиво привязанных друг к другу. В результате закрепленность локативная влечет за собой обладание другими признаками, количество и качество которых зависит от социальных, а иногда и индивидуально-психологических условий употребления слова. Особо показательно в этом смысле использование одного прилагательного, которое называет в разных контекстах одинаковую локализацию, при этом получая различные смысловые дополнения, обусловленные условиями употребления:

Разве можем мы те хризолиты **придорожным** стеклом заменить (М. Цветаева);

Благодатные стесненные камни Европы! — не обезличенные американские **придорожные** городки (А. Солженицын).

Объем значения, приписываемого прилагательному разными носителями языка, может быть разным даже в одном контексте. Однако причиной этой вариативности следует, видимо, признать не неопределенность и широту отношений, выражаемых данными прилагательными, а необыкновенную гибкость адъективной семантики, обусловленную периферийностью атрибутивно-локативной пространственной модели.

Атрибутивно-докативные конструкции оставляют в тени такой важные признак локативной ситуации, как статичность / динамичность, который отражается в предложно-падежной конструкции. Разграничение статических и динамических ситуаций в объектно-локативной модели происходит, во-первых, за счет использования разных предлогов, одни из которых могут называть только расположение объектов относительно друг друга и представлять ситуацию как статическую (*внутри дома, из дома, за домом*) либо называть локализацию как достижение той же позиции в результате перемещения (*внутрь дома* 'объект находится внутри в результате перемещения из внешнего пространства во внутреннее', *из-за дома* 'объект находится с лицевой стороны объекта в результате перемещения с тыльной стороны'). Причем в одну и ту же точку объект может попасть в результате разного рода перемещений, из разных позиций (*из-за дома, из-под дома*). Во-вторых, статические и динамические ситуации могут маркироваться использованием разных падежных форм существительного с одним и тем же предлогом (*в столе / в стол, на стене / на стену*) (см. подробно [2]). В атрибутивно-локативной модели для обозначения подобных типов локализации используется одно и то же прилагательное, способное обозначать локализацию как предмета, так и процесса (*жидкость внутри клетки, / инъекция внутрь клетки — внутриклеточная жидкость / инъекция*). При этом значение префикса остается неизменным.

Безразличием атрибутивно-локативной модели к статичности / динамизму ситуации можно объяснить и отсутствие у прилагательных приставок, соотносимых с некоторыми предлогами. Это предлоги, которые специализируются на выражении динамических ситуаций (*с, из, от*). При этом у глаголов такие приставки имеются (*сползть, извергаться, отплыть*).

Ситуация, обозначаемая адъективным префиксом, гораздо более схематична, нежели обозначенная предлогом или наречием, поскольку в фокусе находится неизмеримо меньшее количество информации. Например, в [6] указываются признаки ситуации, релевантные для употребления наречия и

предлога *позади*: соизмеримость локализатора и локализуемого, вертикальность локализатора, наличие дополнительного, кроме локализатора, ориентира, допустимость градации расстояния между локализатором и локализуемым, расположение локализуемого с тыльной стороны локализатора. При употреблении соответствующей приставки важно только то, что локализатор — фасадно ориентированный объект, локализуемый располагается с тыльной стороны локализатора (*позадичелюстной, позадиматочный*). Именно тем, что при употреблении приставки принимается во внимание меньшее количество информации, можно объяснить гораздо меньшее число значений у адъективных приставок, чем у предлогов.

Приставка акцентирует особое внимание на некоторых сторонах обозначаемой ситуации. В результате появляются специфические значения, не отмечаемые у предлогов. Например, приставки *над-* и *меж-* могут выражать смысл 'общий' (*межведомственная комиссия, межрайонный суд, надгосударственное объединение*).

Роль концептуального компонента оказывается для адъективной приставки намного значимее, чем для предлога, поскольку именно на этой основе приставка имеет значения, нехарактерные для соответствующего предлога. В прилагательных с *внутри-* объект концептуализируется как целостное образование, для характеристики которого важна дискретность, закрытость. Поэтому префикс может иметь значение 'между объектами, входящими в локализатор' (*внутрипружеский сленг, внутриофицерская склока*).

Литература

1. Вежибицкая А. Семантические универсалии и описание языков. М., 1999.
2. Всеволодова М. В., Владимирский Е. Ю. Способы выражения пространственных отношений в современном русском языке. М., 1982.
3. Гак В. Г. Языковые преобразования. М., 1998.
4. Земская Е. А. О семантике и синтаксических свойствах отсубстантивных прилагательных в современном русском языке // Историко-филологические исследования: Сб. ст. к 75-летию акад. Н. И. Конрада. М., 1967. С. 92–103.
5. Золотова Г. Л., Онипенко Н. К., Сидорова М. Д. Коммуникативная грамматика русского языка. М., 1998.
6. Лягушкина Н. В. Семантика пространственных предлогов и наречий *позади* и *сзади* // Исследования по семантике предлогов. М., 2000. С. 297–313.
7. Павлов В. М. Понятие лексемы и проблема отношений синтаксиса и словообразования. Л., 1985.
8. Урысон Е. В. Синтаксическая деривация и «наивная» картина мира // Вопросы языкознания. 1996. № 4. С. 25–38.
9. Харитончик З. А. Имена прилагательные в лексико-грамматической системе современного английского языка. Минск, 1986.

Проблема фразеологизации конструкций: полифункциональные служебные слова

Н. О. Григорьева

Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону)

ngreg25@rambler.ru

Фразеологизация конструкций, полифункциональные служебные слова

Summary. The paper analyses polyfunctional form words as a particular class, determines a specific role of the given linguistic units in different types of sentences.

Фразеологизация конструкций — явление развивающееся, состав подобных единиц постоянно пополняется, появляются новые варианты моделей.

Конструкции с полифункциональными служебными словами в системе языка входят в определенную парадигму. При этом парадигма понимается достаточно широко: как любое регулярное объединение синтаксических конструкций, противопоставленных друг другу в каком-либо отношении. Такое понимание термина позволяет использовать составление и сопоставление парадигм как универсальный прием исследования синтаксических единиц (см. работы В. Г. Адмони, Б. Н. Головина, Г. А. Золотовой, Г. Г. Инфантовой, Т. П. Ломтева, Л. Ю. Максимова, З. Д. Поповой и др.). Кроме того, можно говорить и о наличии частных парадигм для конструкций с каждым полифункциональным словом, а также о парадигмах, основанных на отношениях внутренней или внешней синонимии данных единиц.

Соотнося понятия «служебное / неполнозначное слово» и «форматор», а также учитывая специфику значения полифункциональных слов, наличия у них определенного набора сем, мы можем утверждать, что эти семы могут быть как эксплицитными, так и имплицитными, при этом мы опираемся, в частности, на точку зрения И. М. Богуславского. Отметим, что набор эксплицитных и имплицитных сем у полифункционального служебного слова может изменяться. Можно сказать, что значения, которые присущи данному служебному слову и определяют в какой-то степени тип конструкции, но в то же время и определяются этой конструкцией.

К набору сем полифункциональных служебных слов, на наш взгляд, применима также и классификация В. Г. Гака, который в слове учитывает архисемы, дифференциальные семы и потенциальные семы, которые дают представление о побочных, дополнительных характеристиках. При этом в зависимости от типа конструкции те или иные семы могут

актуализироваться или погашаться. Именно на основе анализа набора сем возможно выделение инварианта, например, для **чтобы** — желательность, для **если** — альтернативность.

Полифункциональное служебное слово включает предложение не только в состав определенной функционально-семантической, но и модальной парадигмы, так как обладает способностью выражать субъективную модальную оценку отношений в сложном предложении. Некоторые исследователи (М. И. Черемисина, Т. А. Колосова) считают, что служебные слова обладают значением ожидания адресата речи. Данная категория является экстралингвистической и необязательно строго логической. Например, у полифункционального служебного слова «чтобы» семантика ожидания связана с тем, что говорящий ожидает осуществления желаемого факта, совершения действия.

Полифункциональные служебные слова могут использоваться в конструкциях различного типа: 1) в сложноподчиненном предложении; 2) в конструкциях, которые являются переходными между простым и сложным предложением; 3) в простом предложении; 4) в осложненном простом предложении; 5) в сложносочиненном предложении. Набор конструкций определяется коммуникативно-функциональным и прагматическим потенциалом полифункционального служебного слова, который обусловлен спецификой его семантики, парадигматическими и синтагматическими отношениями. Как показывает анализ материала наибольшим потенциалом обладает полифункциональное служебное слово «чтобы», которое функционирует как в свободных, так и во фразеологизированных конструкциях. В свободных конструкциях «чтобы» выступает в роли целевого или изъяснительного союза. Союз «чтобы» входит в качестве компонента в состав сложных (составных) союзов (союзных скреп) с местоименными компонентами, как расчлененных, так и нерасчлененных. Каждый союз является членом определенного синонимического (вариативного) ряда, что отражает функциональный характер единицы.

Проблема разграничения варьирования и синонимии на морфологическом и синтаксическом уровнях языка является актуальной и до сих пор не разрешена в лингвистике окончательно. Для разграничения вариантов и синонимов на

синтаксическом уровне важным оказывается и определение типа предложения, в котором выступает то или иное служебное слово.

Следует отметить, что необходимо дифференцировать конструкции со структурным компонентом полифункциональным служебным словом по степени фразеологизации. При широком понимании к фразеологизированным конструкциям относятся как фразеосхемы, так и конструкции с контаминированной фразеологизацией, синтаксические единицы с двойными союзами, конструкции близкие к вводным и вставным, собственно фразеологизмы. Так, «чтобы» может быть представлено во всех типах конструкций. Примером контаминированной фразеологизации могут служить обороты «нет (того) чтобы» (в сочетании с инфинитивом) и подобные.

Фразеологизированные конструкции с различным значением отмечаются многими авторами работ по синтаксису, в том числе и сложного предложения (С. В. Крючков, Л. Ю. Максимов, Г. Я. Солганик, Г. Н. Смирнов, А. М. Слепцова, и др.). Опираясь на семантику фразеологизированных структур, в лингвистике обычно выделяют два крупных разряда подобных предложений с компонентом «чтобы»: 1) сложные фразеологизированные предложения, выражающие временные отношения; 2) сложные предложения фразеологизированной структуры с семантикой обусловленности (см., например, «Русская грамматика» и др.). Однако анализ структурных, функциональных, семантических особенностей конструкций с компонентом «чтобы» позволяет выделить и другие группы фразеологизированных конструкций, причем сделать это в определенной системе, указав более объемные (семантически и, в определенном смысле, структурно) типы подобных предложений. Фразеологизированные конструкции с компонентом «чтобы» способны выражать различные отношения, которые не свойственны свободным сложноподчиненным конструкциям с тем же компонентом. В последние десятилетия усилился интерес к проблеме фразеологизации конструкций, однако внимание в основном уделяется специфике опорного компонента в составе фразеосхемы. На наш взгляд, наличие полифункционального служебного слова является одним из обязательных условий фразеологизации синтаксической конструкции.

Особенности выражения пространственной локализации в русском и казахском языках (на примере значений несопротранственности)

Е. А. Доценко

Казахстанский филиал Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова (Астана, Казахстан)

katherine88@list.ru

Категория локативности, несопротранственность, казахский язык

Summary. The report deals with comparative analysis of the linguistic means expressing spatial relations in Russian and Kazakh.

Ситуация асимметричного русско-казахского двуязычия, наблюдаемая в Казахстане, вызывает потребность в теоретических исследованиях сопоставительного характера и необходимость внедрения полученных результатов в практику преподавания. Контрастивный подход позволяет лучше понять устройство и функционирование изучаемых неродственных языков, особенности лингвистической концептуализации действительности, а кроме того, формирует дополнительную мотивацию при обучении: овладение вторым языком сопровождается более глубоким осмыслением специфики родного языка.

Сопоставляя языки «от значения к форме», мы обращаемся к анализу отношений несопротранственности внутри универсальной лексико-синтаксической категории локативности. Основные семантические оппозиции в рамках *несопротранственности* (расположение предмета по отношению к локуму в целом / к одному из измерений локума; за-полненность / незаполненность локума; отношение к направлению / к сторонам локума и т. д. [1: 267]) находят формальное выражение в обоих сопоставляемых языках.

В русском языке эти значения реализуются посредством предложных и беспредложных именных групп (ИГ), зачастую многозначных, поэтому некоторые семы могут быть выражены только на уровне конструкции из-за отсутствия специфических ИГ. Например, если в ситуации несопро-

транственности предмет расположен по отношению к одной из сторон локума, значение «финиш» в большинстве случаев передается сочетанием «*сесть / посадить / лечь / положить* + неспецифическая ИГ», ср. *Повесить картину над дверью*. — *Картина висит над дверью* [1: 14]. В казахском эквивалентах, напротив, наиболее отчетливо проявлена оппозиция «статика — динамика»: форма направительно-дательного падежа в первом случае (*Есіктің үстіне суретті ілу*), «дверь + Р. п. верх + изафет + Д. п. картина + В. п. повить») и местного — во втором (*Есіктің үстінде сурет іліліп тұр*), «дверь + Р. п. верх + изафет + М. п. картина будучи повешенной (депр. прош. вр., страд. залог находится»).

Казахский язык отличается высокой степенью грамматизированности пространственных отношений: 1) различаются три падежа с локативным значением (направительно-дательный, местный, исходный); 2) существует особая группа слов — служебных имен (этимологически — названий сторон и измерений локума [2: 11]), выделяемых в особую часть речи. В состав локативных ИГ в казахском языке могут входить послелоги, отражающие общую для тюркских языков тенденцию к постпозитивности.

На примере семы «место» (статический характер отношений) продемонстрируем некоторые способы реализации фрагмента системы значений в рамках несопротранственности (предмет расположен по отношению к одному локуму

в целом, пространство заполнено предметом / действием / признаком).

Значение 'место' в русском языке выражается с помощью предложных ИГ: *от* + Р. п. (*От сарая тянется пустырь*: локум является исходной точкой отсчета, ТО); *от* + Р. п. + *около* + Р. п. (...мы *от берега около пятидесяти сажен* (Лермонтов; пример М. В. Всеволодовой): локум — исходная ТО); *по* + В. п. и *до* + Р. п. — если пространство вплотную до локума / непосредственно от локума занято предметом (*Войти в воду по пояс*: локум — конечная ТО; в этом примере благодаря глаголу движения конструкция осложняется значением образа действия).

Пространство как метрическую характеристику удаленности локума, который является конечной ТО, выражают двухпадежные формы «*до* + Р. п. имени локума + И. п. показателя расстояния» и «*до* + Р. п. имени локума + *с* + В. п. ед. ч. названия метрической единицы» (последняя — для приблизительно определяемого расстояния): *До города осталось пять километров*; *До первой цели было с полверсты* (Д. Фурманов). Соответствующая казахскоязычная конструкция — «Д. п. имени локума + послелог *дейін* + И. п. показателя расстояния» (если локум — конечная ТО): *Қалаға дейін бес километр қалды*, «город + Д. п. дейін ('до') пять километр остался». В обоих языках ситуация в этом случае осмысливается сходным образом, в то время как на формальном уровне проявляются типологические различия: препозиция в русском языке (предлог) — постпозиция в казахском (послелог), относительно свободный порядок слов в русском предложении — обязательная постановка предиката в конце предложения в казахском языке.

В роли экспликаторов семы 'место' в казахском языке выступают ИГ, которые представляют собой послеложно-падежные формы и могут быть распространены названием метрической единицы, как в русском языке. Ситуация с локумом как конечной ТО требует формы Д. п. с послелогом

дейін 'до', с локумом как исходной ТО — формы Исх. п. соответственно: Д. п. имени локума + послелог *дейін*: *Белуарға дейін су кеуі*, «пояс + Д. п. дейін ('до') вода + В. п. (нул. фл.) переходить (вброд)»; Исх. п. имени локума + И. п. показателя расстояния + форма местного падежа слова со значением 'пространство, расстояние' (локум — исходная ТО): *Біз жағалаудан елу сағын қашықтықта тұрамыз*, «мы берег + Исх. п. пятьдесят сажен дистанция + М. п. стоим ('находимся')»

Отметим также, что в анализируемом казахскоязычном материале предпочтение отдается конструкциям с конкретизаторами 'земля', 'расстояние', 'пространство', 'дистанция' (ср. структуру «*на расстоянии двух метров от* + Р. п.»). Например, конструкция со значением приблизительно определяемого расстояния «Д. п. имени локума + послелог *дейін* + название метрической единицы + адъективный сравнительный суффикс + И. п. слова со значением 'пространство, расстояние'»: (Әскердің) *алғашқы тізбегіне дейін жарты шақырымдай жер еді*, «(воин + Р. п.) первая цель + изафет + Д. п. дейін половина верста + -дай (сравнит. суфф.) расстояние было».

В докладе рассматривается, как в сопоставляемых языках реализуются пространственные отношения динамического характера (значения 'старт', 'финиш'), а также специфика казахских служебных единиц с пространственной семантикой, сохранивших внутреннюю форму и способных выразить такие отношения, которые в русском языке требуют лексической экспликации.

Литература

1. Всеволодова М. В., Владимирский Е. Ю. Способы выражения пространственных отношений в современном русском языке. М., 1982; 2-е изд. — М., 2007.
2. Демесина Г. Х. Английские предлоги пространственного значения и их соответствия в казахском языке: Автореф. дис. ... канд. фил. наук. Алматы, 2003.

К проблеме строевых слов в лексиконе

А. Н. Дулина

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
alexand@rambler.ru

Строевая лексика, реляторы, функционально-семантическая категория

Summary. The report suggests a way of understanding of the inner structure, some semantic and syntax features of structure forming words in Russian which is based on function-communicative approach to language. A lexical group of temporal "relators" (temporal predicates) is taken for analysis as an example.

Строевая лексика как отдельный класс слов с особыми синтаксическими и семантическими свойствами стали объектом специального анализа в функционально-коммуникативной модели описания языка. Этот разряд слов выделяется здесь наряду с полнозначенной лексикой и лексикой с реляционным значением, отличается от них, в частности, факультативностью в высказывании, предназначением для называния отношений сигнификативного уровня, и сформирован тремя типами слов: реляторами, экспликаторами и классификаторами.

В центре нашего исследования находилась группа темпоральных реляторов, состоящая из порядка 50 глагольных, субстантивных и адъективных лексем, выступающих в предложении в позиции предиката и называющих логически устанавливаемое темпоральное отношение между двумя событийными пропозициями. Результаты анализа показали, что данная лексическая группировка представляет собой структурированную иерархическую категорию, структура которой может быть представлена в виде дерева бинарных оппозиций, составленного по принципу пошагового разбиения множества на основании выделения дифференциальных признаков и сем, различающих значения словоформ.

На основании сравнения оппозиционных возможностей функционально-семантической категории (далее — ФСК) временных реляторов с ФСК именной и наречной темпоральности, также входящими в функционально-семантическое поле (далее — ФСП) времени, можно говорить о том, что между этими категориями существуют широкие зоны пересечения: некоторые семы являются общими для всех трех категорий, однако их набор и иерархия индивидуальны

для каждой ФСК. Так, оппозиция первого ранга для субстантивных реляторов и глагольных предикатов порядка «одновременность : неодновременность» совпадает с оппозицией первого ранга ФСК именной темпоральности; значение «соотнесение с установленным моментом», выделенное для адъективных реляторов на первом ранге их разбиения, выделено также и в СЗ темпоральных наречий в рамках оппозиции «соотнесенность действия с установленным моментом : соотнесенность действия с настоящим моментом».

Анализ синонимических перефразировок предложений с темпоральными реляторами показал их широкие синонимические возможности. В качестве синтаксических синонимов данных предложений могут выступать такие, в которых темпоральные отношения выражаются средствами ФСК именной (именными темпоральными группами) или наречной темпоральности, сложного предложения с придаточным времени.

При наличии широких синонимических связей особенность ФСК временных реляторов заключается в том, что их использование в предложении обеспечивает функционирование механизмов сжатия информации и актуализационных механизмов.

Функционирование строевых слов показывает, что некоторые лексические единицы, относящиеся к самостоятельным частям речи, в одном из своих лексико-семантических вариантов в определенных синтаксических конструкциях (например, реляторы в позиции предиката) могут выполнять функции строевых.

Еще одно явление переходности, о котором можно говорить в связи с темпоральными реляторами, — это функцио-

нирование некоторых реляторов в качестве экспликаторов. Одни и те же лексемы в зависимости от типа структуры выступают либо в функции релятора (в случае установления временных отношений между двумя или более пропозициями), либо функции экспликатора (в том случае, когда позиции при предикате занимают имена компонентов одной пропозиции). Здесь очевидна зона пресечения в рамках ряда строевых единиц.

Таким образом, особенности семантики, функционирования и структурной организации группы временных реляторов позволяет говорить о том, что данная лексическая груп-

пировка имеет характер лексико-грамматической категории, широкая синтаксическая синонимика свидетельствует о внутренней семантической связи между разными ФСК одного ФСП (в данном случае — ФСП времени), анализ формируемых ими синтаксических структур подтверждает наличие явлений переходности между классами строевой лексики.

Литература

1. Всеволодова М. В. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса. М., 2000.

Типология служебности / вспомогательности: внутрисистемный и внесистемный аспекты

А. А. Загнитко

Донецкий национальный университет (Украина)

zagnitko@skif.net

Preposition, subordinacy, formal subordinacy, the concept of subordinacy

Summary. The features of subordinacy in the system of the parts of speech in the Russian language are investigated, the diagnostic indexes of subordinacy are defined, its correlation with the modern functions are certain, through the prism of significant component of value the parameters of subordinacy are established.

Современные лингвистические исследования разным образом учитывают, ставшее в определенной степени классическим, противопоставление самостоятельности (полнозначности) и несамостоятельности (неполнозначности, служебности), что базируется на классификационном (является самостоятельным членом предложения: существительные, прилагательные, местоимения и т. д., или таковым не может быть: предлог, частица, союз и др.) и квалификационном (выражение определенных смысловых отношений: атрибутивных, объектных, субъектных, адвербиальных и проч.) критериях. Такое понимание соответствует соответствующей научно-лингвистической парадигме (элементно-таксономической и сравнительно-исторической — объединенных в постсоссуровский концептуально-эпистемический тип; системно-структурной — соссуровский подход; функционально-когнитивной, синергетической — постсоссуровский) и коррелирует с соответствующими теоретическими изысканиями, где важным представляется не только определение количества понятийных категорий, их иерархии (ср. работы Аристотеля, модистов, О. Есперсена, И. И. Мещанинова и др.), но и установление особенностей их языкового выражения (ср. взгляды М. В. Ломоносова, А. Х. Востокова, Н. И. Греча и др.). Эти идеи были весьма благотворны не только в создании классической модели системы частей речи, но и сегодня активно используются при определении функционально-семантических полей (А. В. Бондарко, Г. А. Золотова и др.), типологических исследованиях (ср. параметры и свойства, например, результата, статива, локатива и др. в одноструктурных и разноструктурных языках — В. С. Храковский и др.). Существенным в данном случае представляется то, что определение типа полевой структуры, ее языковой стратификации основывается на той или иной понятийной категории (принцип описания от значения к форме), да и установление функционально-семантического поля, функционально-семантической парадигмы грамматической формы / категории (А. В. Бондарко, Г. А. Золотова, Е. В. Клобуков и др.) исходным имеет инвентарь понятийных категорий типа аспектуальность, темпоральность, где служебность становится только строевой, что не соответствует ее сущности.

Установление функционально-семантического / семантического поля предлогов (М. В. Всеволодова, А. А. Поликарпов, О. В. Кукушкина и др.) также не является исключением, а соответствует указанным принципам, поскольку в данном случае легко не только определить функционально-семантический потенциал предлога (особенно первообразных типа *на, к, с*, потому что вторичные более специализированы, ср. *внутри, возле, вокруг, вопреки, вследствие, сродни, согласно* и проч.), но и построить их общую семантическую сетку. В этом разрезе важно определить системные параметры служебности, ее соотношение со вспомогательностью, установить диагностические принципы квали-

фикации уровня служебности / вспомогательности (в этом отношении характеристическими являются корректные попытки определения дифференциальных признаков служебности (Ф. И. Панков на основании сопоставления предложных и наречных компонентов устанавливает некий список дифференциальных признаков этих компонентов; творческая группа (А. А. Поликарпов, О. В. Кукушкина и др.), используя объемный текстовый материал русского языка устанавливает частотность предложных компонентов с определенными словоформами и квалифицирует статус предлога как диагностирующего показателя определенной синтаксемы; М. И. Конюшкович на материале белорусских текстов дифференцирует синтаксемы, где предлог является синтаксеобразующим средством, т. е. в данном случае для исследователя лексико-семантический вариант предлога (+ форма существительного) выступает отдельным словарным компонентом; Ч. Ляхур, исследуя особенности вторичных польских предлогов, диагностирует их регулярную сочетаемость и проч. (все это в рамках международного проекта «Грамматика славянских предлогов» — его инициатором была М. В. Всеволодова, — где активно сотрудничают ученые разных стран, изучающие особенности предложной организации в языках одно- и разноструктурных типов).

Все современные исследования позволяют говорить о некоем феномене служебности / вспомогательности, понимая последнюю не только как выразитель сугубо строевой функции (ср. строевую функцию грамматических форм рода, числа прилагательных и проч.), а как важный компонент установления смысловых отношений (ср. *иди ко / от меня; залезть на / под / в / за стол; работать под / за / около лесом* — подробнее в [1]). Смысловые отношения легко устанавливаются с помощью таких компонентов, особенно там, где им принадлежит организующее начало, что мотивированно особенностью их семантической структуры (ср. исследование [2], где разграничено конкретное и метафорическое содержания предлогов). В квалификационном измерении вспомогательности / служебности доминирующим является не денотат, а сигнификат [подобное наблюдается в динамике образования описательных предикатов в русском языке со все расширяющимся потенциалом вспомогательных глаголов, где в последних доминирует именно сигнификативный компонент (ср. взгляды Ю. Д. Апресяна, М. В. Всеволодовой и др.): *сделать (делать) / призвести (приводить) / осуществить (осуществлять) обыск*].

Объемность сигнификата предлогов (имеются ввиду прежде всего первообразные), союзов типа *что, как, частиц* позволяет говорить о длительном развитии этой тенденции, отражающей внутрисистемные соотношения языковых единиц, поскольку эти элементы начали восполнять недостающие для других компонентов языка функции соединения / актуализации и проч., что очень тонко подчеркнул В. В. Ви-

ноградов, квалифицируя их как частицы речи. В данном толковании отобразено их речевую определенность, а в виртуальном аспекте — все они содержат это назначение как потенциальное. Признание за некоторыми из них определенного значения (дейктического — для предлогов — Р. И. Мальцева — и проч.) в полной мере отражает их сигнификативную сущность. Важным является также и то, что все они реализуют концепт вспомогательности, не охватывая полностью его. Поэтому и происходит постоянное пополнение новыми ресурсами поля вспомогательности, подтверждением чего является активное расширение понятия «связка», которую, в свое время, В. В. Виноградов выделил среди частиц языка. Некоторые из вспомогательных компонентов закреплены общезыковой практикой как реализаторы того или другого дискурса (ср. дискурсивно маркированные частицы типа *и, всё, таки,*

ные частицы типа *и, всё, таки, ещё, только, словно, хотя, даже, только,* выражающие различные значения (усиления, объяснения — разъяснения, сопоставления, обособления и др.), что свидетельствует об их внутри- и внеязыковой функциональности и внутриязыковой системности, соотношении с другими элементами того же типа (в том числе и с полнозначными).

Литература

1. Всеволодова М. В., Виноградова Е. Н., Клобуков Е. В., Кукушкина О. В., Поликарпов А. А., Чекалина В. Л. Материалы к словарю «Предлоги и средства предложного типа в русском языке: функционально-коммуникативные аспекты реального употребления». Вып. 1. М., 2005.
2. Klíková D. Semantika predloga: Studia iz cognitive lingvistike. 2 izd. Beograd, 2006.

Семантика «приблизительности» в официальном дискурсе

О. М. Исаченко

Новосибирский государственный университет

isachenkoo@mail.ru

Диффузность количественной семантики, ассоциативный эксперимент, восприятие, гиперболизация, манипуляция

Summary. The presentation analyzes lexical-grammatical units with a general meaning of ‘relative quantity’ — *на порядок, в разы, неоднократно, многократно, около, примерно, приблизительно, порядка* — frequent in various spheres of official discourse. The analysis of their contextual usage and the results of a psycholinguistic experiment show that the interpretation of their meaning can be ambivalent and polyvalent. The ambiguity of quantitative parameters expressed by these units often impedes with adequate exchange of information, which is sometimes the speaker’s actual intention.

Non multum, sed multa
‘Не много, но многое’

Доклад посвящен употребительным в современном официальном дискурсе лексико-грамматическим единицам — *на порядок, в разы, в десятки / сотни раз, многократно, неоднократно, десяток-другой, около, примерно, приблизительно, порядка, более, менее, свыше, порядка, около, до* — с интегральными семами ‘неопределенное множество’ и ‘приблизительное количество’. Для данной группы слов проведен 1) анализ словарных дефиниций, 2) контекстный анализ, 3) ассоциативный эксперимент.

1. Названные единицы не определены по числовым показателям, за ними не стоят конкретные величины, т. е. они являются маркерами «относительного», а не «абсолютного» количества.

Порядок — 10. Спец. Числовая характеристика какой-л. величины. *На порядок выше; раз* — 3. (с предл. *в* и сл., обозначающим количество). Указывает на степень увеличения или уменьшения. *Легче, лучше во много раз. На порядок и в разы* в словаре не фиксируются.

Наречия в основном приводятся в статьях мотивирующих прилагательных: **многократный** — 1. Много раз повторяющийся или повторенный. 2. В несколько раз увеличивающий, усиливающий что-л.; **неоднократный** — Производимый или происходящий не один раз; **примерный** — 3. Приблизительный, предварительный. **Приблизительно** — 1. к Приблизительный (‘не вполне точный...’). 2. (со сл., обозначающими количество, счет, меру, время) Немного меньше или немного больше, немного раньше или немного позже и т. п.

Предлоги: **до** — 4. Указывает на приблизительную меру чего-л.; **порядка чего** — в зн. предл. Разг. Около, приблизительно; **около** II. предл. кого-чего — 3. Почти, приблизительно, немного меньше какой-л. меры. // Близко к какому-то времени, незадолго до него.

2. По данным «Национального корпуса русского языка» (октябрь, 2009 — выборка производилась на ограниченном подкорпусе — рекламная, публицистическая, официально-деловая, производственно-техническая сферы) составлен рейтинг употребительности (для лексем, не имеющих грамматических омонимов): *свыше* (2524), *неоднократно* (2166), *приблизительно* (1316), *многократно* (712), *на порядок* (278), *в разы* (93). Контекстуальный анализ показал:

– в речевом употреблении происходит «выравнивание» значений, названные единицы вступают в синонимические отношения: *более* — *свыше, многократно* — *неодно-*

кратно, около — *примерно* (например, дифференциальные признаки ‘незадолго’, ‘немного меньше’ предлога *около* нивелируются, общее значение — «чуть больше или чуть меньше указанного числа...»: *Ему около / порядка двадцати лет* (ср.: *Ему лет до двадцати* — сема ‘меньше’ актуализирована. В других контекстах: *до 12 часов, до 2009 г., до 60 лет, до 50 км* — не дифференцировано включение / исключение названного предела) — *Ему примерно / приблизительно двадцать лет*);

– в синтагме наречия и падежные сочетания связаны с глаголами (*многократно / в разы / на порядок увеличить, уменьшить, сокращать* и т. п.), имеющих сему ‘изменять количество в большую или меньшую сторону’; для наречий *многократно* и *неоднократно* эта связь не является обязательной (ср. *многократно говорил, платил, читал, гулял...*); сочетание с формами сравнительной степени допустимо лишь для лексемы *на порядок* (*быстрее, важнее, проще...*);

– предлоги и наречия, как правило, являются «операторами» круглых величин (малых или больших): *примерно 10%, приблизительно на 250 тыс. человек*;

– при сочетании с лексемами, обозначающими «недискретные» сущности, данные единицы являются тропеическим средством (гиперболой): *Советский человек немного взял от человека — русского; но страстное... влечение к правде он полностью в душе своей сохранил и даже многократно усилил* [А. Архангельский. 1962. Послание к Тимофею (2006)]. Аналогичную функцию выполняет форма **100 процентов** (вопреки своей «внутренней форме»): *согласен на 100%, не могу сказать на 100%; Если вера не нужна (гарантировано 100 процентов успеха) или невозможно (ожидается 100 процентов неудач), то работа становится бездушной...* [Г. Сосонко. Клиника // «64 — Шахматное обозрение», 2004].

3. Для выяснения особенностей восприятия данных единиц было проведено тестирование (в эксперименте участвовало 170 информантов, из которых 146 человек — студенты, сотрудники и преподаватели Новосибирского государственного университета). В тесте было 13 вопросов, направленных на 1) уточнение границ индивидуального восприятия слов неопределенной количественной семантики, 2) выявление характера их системных (синонимии, антонимии, гиперонимии) и синтагматических связей. Приведем основные результаты по некоторым вопросам анкеты в виде таблицы (в ней представлены ответы респондентов — типичные и индивидуальные; указаны абсолютные и относительные показатели их частотности).

Вопросы	Варианты ответов						Нет ответа
	в 2–3 раза	в 4–5 раз	в 10 раз	что-то др. ¹	конкр. ответы ³	от 10 до 100	
Когда говорят <i>в разы превышает</i> , имеют в виду...	33 19,4%	80 47%	35 20,6%	21 12,4%			1
Когда говорят <i>цены выросли на порядок</i> , что хотят сказать?	в 1,5–2 или 2–3 раза 38 22,4%	в 10 раз 35 20,6%	«сильно, очень» ² 41 24,1%	21 12,4%	2	2	31 18,2%
<i>Многократно</i> означает, что некоторое кол-во превышает исходную величину	в 8–10 раз 75 44,1%	в 4–5 раз 41 24,1%	в др. кол-во ⁴ 25 14,7%	в 2–3 раза 20 11,8%			9
Какие сочетания вам кажутся неправильными?	<i>многократно проще</i> 160 94%	<i>в разы проще</i> 111 65,2%	<i>на порядок легче</i> 45 26,5%	<i>уменьшилось в разы</i> 43 25,2%	<i>увеличилось на порядок</i> 11 6,5%		1

Несколько вопросов теста были связаны с анализом контекстов.

В каком предложении речь идет о большей сумме? <i>Стипендию / зарплату увеличили</i>	а) <i>на порядок</i> 81 47,6%	б) <i>в разы</i> 86 50,6%	Одно и то же 3
Есть ли различия в количественных данных: <i>Б. Немцов заявил, что в прошлом году от дедовщины в Российской армии погибло свыше / более / более чем 2000 чел.</i>	да 63 37%	нет 107 62,9%	
Как вы понимаете «крайний» предел в сочетаниях: <i>весом до 100 кг:</i> а) 99 кг; б) 100 кг; <i>в срок до 1 ноября:</i> а) 31 октября; б) 1 ноября?	не включая 52 30,6%	включая 35 20,6%	по-разному ⁵ 70 41,2%

Примечания к таблицам:

¹ От 2 до бесконечности; в 2 и более раза; в любое кол-во раз; в зависимости от контекста; в десятки, сотни раз.

² Намного, значительно, заметно, достаточно; довольно ощутимо для собственного кошелька...

³ Примерно на 35%, в 3–4 раза, на 100, 1000... руб., мин. от 60 до 100%...

⁴ > 10, в несколько раз, неопределенно много, очень-очень много...

⁵ В ответах этих респондентов подход к определению физической меры и даты дифференцирован. Более частотным (у 56 чел.) является определение веса с включением «правого» показателя — 100 кг, а срока с его исключением. 14 человек рассуждают иначе и дают другую комбинацию. 12 информантов на этот вопрос не ответили.

Самыми неоднозначными являются ответы на вопрос: *О каком количестве раз идет речь? (запишите число или интервал):*

- а) *Многократно* переизданная книга.
- б) Доходы А. Чубайса *многократно* проверялись.
- в) Он меня *неоднократно* обманывал.

Закономерность восприятия данных единиц заключается в том, что большинство респондентов не разграничивают эти наречия по «кратности», считают их синонимами (интервалы совпадают). Для информантов значим общий смысл предло-

жения: *переиздание книги* ассоциируется с большим числом раз, по сравнению с *проверкой доходов* (мужчины скептически отнеслись к предложению (б), дали значения — 0, 1, 2).

Проведенное исследование доказывает, что рассматриваемые единицы интерпретируются говорящими и слушающими как амбивалентные и поливалентные, что создает условия для их использования (в основном массиве текстов) в качестве стилистического средства (имеющего разговорную природу) и механизма манипуляции (при реализации определенной стратегии).

Теория ограничения в лингвистике

Е. Н. Клемёнова

Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону)

klemenova@yandex.ru

Отношения ограничения, квантор, логика языка

Summary. The report says about the linguistic category of quantifiers based on the relations of isolation and limitation, which helps speaker to realize successfully his purposes in the process of communication.

Ни для кого не секрет, что свобода и ограничение — гармонизирующие составляющие общественных отношений, которых первое представляется идеалистической мечтой, а второе — реальностью. С этой реальностью мы сталкиваемся повсеместно: теория ограничений в экономике, ограничение прав и свобод человека в гражданском обществе, да и неограниченных творческих возможностей тоже не существует.

В мире действует принцип ограничения во всем. Если обратиться к истокам проблемы ограничений, то вначале было табу, наложенное вождем или шаманом племени как тоталитарный вид ограничений, затем христианский Бог, давая людям свободу выбора, предлагал человеку самому распорядиться своей жизнью. Эту версию можно принимать или не принимать, но человеческий язык (в частности — русский) давно уже утвердил маркеры отношений ограничения, которые являются частью системы координат человека в мире.

Описывая ограничения с точки зрения теории деятельности, мы понимаем последнюю как форму активного взаимодействия, в ходе которого человек целесообразно воздействует на объекты окружающего мира и за счет этого удовле-

творяет свои потребности. Среди главных компонентов деятельности выделяются: мотивы, побуждающие субъект к деятельности; цели как прогнозируемые результаты этой деятельности, достигаемые посредством действий и операции.

Все пространство человека — от интерьера до его дома и до великого Космоса — исчерчено видимыми и невидимыми границами, которые действуют по законам «своего» и «чужого» пространства. Ориентирами, показателями, своеобразными предупредительными сигналами становятся отношения ограничения. При принятии человеком какого-либо решения происходит увязывание образа ситуации, образа действия операции. В работе Г. Левина «Свобода воли. Современный взгляд» [1] предлагается интересная интерпретация человеческой деятельности: «Специфически человеческий выбор — это выбор из множества возможных поступков того, который будет превращен в действительный поступок. Другими словами, сделать выбор — значит решить, какая из множества объективно существующих возможностей будет превращена в действительность... Свобода выбора есть там, где есть из чего выбирать». Процедура выбора у Левина дает точное представление об ограничении

как необходимым и достаточном условии деятельности человека. Значит, ограничить — это и есть выбрать?

В программировании и математике выбор называют *решением*, но сути вопроса это не меняет. Итак, обратимся к понятию решение. Интуитивно ясно, что решение — это по существу выбор одной или нескольких из имеющихся альтернатив. Тогда решение следует определить как нечеткое множество в пространстве альтернатив, получающееся в результате пересечения заданных целей и ограничений.

Действительно, получилось, что ограничение — это выбор, а сам процесс выбора нужного из ряда факторов служит одним из основных критериев проявления личностного отношения к окружающему миру. Выбрать или отграничить — значит познать и осмыслить явление, акцентировать внимание на том из них, которое наиболее важно.

Далее возникает вопрос о свободе совершаемого выбора. Для говорящего и пишущего свобода выбора языкового средства с определенной целью (к сожалению или счастью)

впридачу	с точки зрения	при этом	наряду с	не говоря уже
к тому же и еще	в отношении	не только, но и	исключая	типа
вдобавок	в отличие	главным образом	вместе с	как и
плюс к тому	в смысле	кстати сказать	в соответствии	в частности
притом	параллельно с	в том числе	подобно	начиная с
в противоположность	в пример	между прочим	в сфере	за исключением
в противовес	также	кроме	на основании	сверх
даже	тем не менее	вместо	не считая единственно	в области
лишь	в контраст	взамен	исключительно	наравне с
с точки зрения	вплоть до	помимо	именно	
в области	против	включая	больше того	

Кванторы позволяют увидеть объект действительности с новой стороны и тем самым расширить наши знания о нем и о мире вокруг него. Они широко используются в речи благодаря способности выражать логические операции ограничительного и выделительного плана и могут функционировать в качестве обозначения такого существенного признака, применяемого к элементам множеств, благодаря которому элемент (высказывания или текста) отграничивается и выде-

мгновенно превращается в несвободу, т. к. говорящий / пишущий попадает под власть избранных им средств.

В своем исследовании мы рассматриваем квантор как некий логический оператор, применяемый для элемента множества, который позволит фиксировать различные виды ограничительных отношений с элементами множества, а именно включение, исключение, замещение, добавление, сопоставление, уточнение на уровне высказывания и текста, что позволит утверждать существование вещи, обладающей определенным свойством.

Конструкции, маркированные предложениями-кванторами, союзно-предложные новообразования, модальные слова со значением ограничения, выступающие как логическая связка, выражающие дифференциальный признак высказывания и помогающие человеку выразить свое отношение миру, могут называться кванторными конструкциями.

Приведем неполный список компонентов, входящих в поле кванторности наравне со знаменательными словами:

наряду с	исключая	типа
вместе с	как и	
в соответствии	в частности	
подобно	начиная с	
в сфере	за исключением	
на основании	сверх	
не считая единственно	в области	
исключительно	наравне с	
именно		
больше того		

выделяется из ряда других. Кроме того, высказывания, содержащие кванторы обладают уникальным свойством — «сжимать» большие объемы информации в минимальные языковые средства, что является незаменимым в постоянно увеличивающемся современном потоке информации.

Литература

1. Левин Г. Д. Свобода воли. Современный взгляд // Вопросы филологии. 2000. № 6.

Предложно-падежные синтаксемы с конфирмативной семантикой

М. И. Конюшкевич

Гродненский государственный университет имени Янки Купалы (Беларусь)

marikon9@mail.ru

Конфирматив, синтаксема, предлог

Summary. The particular variety of the denotative parts, called confirmative, which is expressed by prepositional and declinational syntactical semantic units is researched in the article.

Поскольку язык — это прежде всего деятельность, «процесс и результат структуризации человеческого сознанием предметно-признакового континуума мира на оси реального времени» (В. С. Юрченко), то в результате этой деятельности происходит все более дробная и все более тонкая дифференциация значений, отражающих соответствующую степень категоризации мира. Поэтому наряду с традиционно выделяемыми видами отношений, выражаемых предложениями, — субъектно-объектных, пространственных, временных, причинно-следственных, целевых, сравнительных и др. (в своих программных работах и выступлениях М. В. Всеволодова, руководитель межнационального проекта «Грамматика славянского предлога», таких «семантических зон» называет 16), в языке отмечаются новые разновидности отношений, ранее не попадавшие в поле исследовательского внимания.

Одной из таких разновидностей является отношение доминанции одного субъекта над другим субъектом, выражаемое словами типа *эгида, помощь, поддержка, протекторат, патронаж, командование, руководство* и т. п. Отдельные падежные (чаще винительного и творительного, реже — предложного и других падежей) словоформы таких слов в сочетании с первообразным предлогом и полнозначным существительным образуют устойчивую именную группу: *под эгиду / под эгидой кого, под патронаж / под патронажем кого, под командованием / под командованием кого, под руководством / под руководством кого, при поддержке / с поддержкой кого, во главе с кем* и т. п.

Отметим, что термин «именная группа» не избавляет исследователя от необходимости выявления функций сочета-

ний типа *под эгидой, под патронажем, под командованием* и т. п., которые достаточно устойчивы и представляют собой продуктивное и активное явление в речевой действительности. В концепции участников указанного выше проекта, рассматривающей предлог как динамичную морфосинтаксическую категорию с полевой структурой, подобные сочетания вполне подходят под данную категорию, т. е. являются функциональными предложениями, или аналогами предлога, хотя бы на том основании, что такое сочетание а) образует единую синтаксему, занимающую одну синтаксическую позицию, б) является формантом синтаксемы и маркирует ее значение, в) вводит синтаксему в структуру высказывания, г) обладает двусторонней валентностью.

К денотативной роли синтаксемы, образуемой сочетанием типа *под эгидой* и др., может быть применен рабочий термин **конфирматив** (от лат. *confirmatio* — утверждение; сравн. *конфирмация* — утверждение высшей властью судебного приговора, в конфессиях — утверждение, обряд приобщения детей к церкви). Иначе говоря, конфирматив — денотативная роль сирконстантного или ситуантного типа, выражающая отношение подчинения действию, влиянию доминирующего субъекта. Например: *действовать под эгидой ООН, попадать под юрисдикцию России, жить под надзором полиции, находиться под прицелом прессы, уступить под натиском обстоятельств, поступать по велению совести, погибать в тисках греха, попасть под каток репрессий* и т. д.

Степень вовлечения таких предложно-падежных словоформ в поле предлога и степень их устойчивости в этом

поле различна — от узусного употребления типа *под эгидой* до окказионального наподобие *под прицелом* или *под каток*, но наблюдения над их употреблением в речи показывают системность данного явления. Левая валентность таких сочетаний требует позиции определенных предикатов — акциональных, реляционных, стальных, правая же валентность предполагает, чтобы лексический компонент синтаксемы был выражен генитивом, обозначающим доминирующий субъект. На денотативном уровне существительные, представленные генитивной формой, обозначают некую власть (лицо или коллектив лиц, орган, партию, государство, социальную или семейную группу и т. п.), действия и идеи лиц или группы (репрессии, фашизм), высшие силы, подчиняющие личность и определяющие соответствующее ее поведение и / или состояние (совесть, грех).

Наша работа над Реестром белорусских предлогов и их аналогов и составлением списков их русских соответствий показала, что в обоих языках образование функциональных предлогов с конфирмативной семантикой носит системный

характер, а их перечни в рамках каждого из языков составляют около 200 единиц (естественно, список открыт), причем подавляющее большинство из них в рассматриваемых языках подтверждено контекстами.

Выявлено 9 групп предлогов с конфирмативной семантикой, 7 из которых образуют пары с четкой оппозицией форм винительного и творительного падежей с противопоставлением общих директивного и локативного значений ('попасть под доминацию' / 'быть под доминацией'). В докладе дается подробный анализ указанных групп конфирмативов.

Формирование предложно-падежных синтаксем с конфирмативной семантикой обусловлено и экстралингвистическими факторами (усложнение иерархизации человеческих отношений — политических, социальных, межличностных, между языковыми коллективами и внутри них), и собственно языковыми (стабильность и гибкая приспособляемость языка, системность, модельность образования языковых единиц, аналогия, метафоризация и др.).

Лексическое и грамматическое в местоимениях

С. А. Крылов

Институт востоковедения РАН (Москва)

kryloV-58@mail.ru

Местоимения, знаменательные слова, служебные слова, грамматическое значение, лексическое значение

Summary. *Lexical and grammatical properties of pronouns.* Properties of pronouns as a separate word class include two sets: (A) properties that make pronouns similar to the autosemantic words and differ them from the functional (synsemantic) words; (B) properties that make pronouns similar to the functional (synsemantic) words and differ them from the autosemantic words. The set B includes closed nature of the class, big frequency, nature of the meaning (abstract, categorical, grammatical), little length of the roots, cliticization.

Какие свойства местоимений сближают их со знаменательными словами, а какие — со служебными?

Местоимения (далее — М.) понимаются как грамматико-семантический класс слов, соотносимых с явлениями внешней действительности не путем подведения этих явлений под те или иные общие понятия и не путем прямого названия этих явлений, а путем фиксации того или иного типа референции (соотнесенности с действительностью), выражаемому самой основой (и корнем) такого слова.

Специфика положения М. в языке связана с характером самого значения их основ (и корней) — «местоименного» (или «указательно-заместительного») значения, представляющего собой своеобразную «инструкцию» по переходу от объема знака в «языковой системе» к объему в «речевом акте» (референции) и обратно — от объема знака в «речевом акте» к объему в «языковой системе».

М. сходны со знаменательными словами (и отличаются от междометий и других коммуникативов — «слов-предложений») в том отношении, что обозначают соответствующий им фрагмент внеязыковой действительности расчлененно.

М. (как часть языковой системы) занимают «перпендикулярное» положение по отношению дихотомии лексического и грамматического, сближаясь в одних отношениях со знаменательными словами, а в других — со служебными словами.

Со знаменательными словами М. сходны в следующих отношениях.

1. М. способны составлять потенциальный минимум высказывания, функционировать в качестве однословной ответной реплики в составе диалога, именовать фрагмент внеязыковой действительности самостоятельно (автономно) и потому способны формировать отдельный член предложения («отвечать на вопрос»).

2. В составе предложения М. выполняют приблизительно тот же набор синтаксических функций, что и знаменательные слова соответствующих назывных частей речи («подлежащее», «дополнение», «определение», «обстоятельство»...).

3. М. с точки зрения своей грамматической формы, как правило, членились на основу и грамматическую часть (флексию), причем флексия выражает приблизительно тот же набор грамматических значений, который свойствен некоторой грамматической форме знаменательного слова некоторой назывной части речи (род, падеж, число, одушевленность).

Вместе с тем значительное число признаков отличают М. от знаменательных слов, сближая их со служебными слова-

ми (а также со «строевыми» или «полуслужебными» словами), а именно, следующие.

1. М. представляют собой относительно замкнутую, непополняющуюся (или пополняющуюся крайне медленно) подсистему языка.

2. Инвентарь М. крайне немногочислен (инвентарь производных М. — местоименных корней — ограничен двумя-тремя десятками, а инвентарь производных М. — местоименных основ — ограничивается двумя-тремя сотнями); поэтому большинство описательных грамматик стремятся к тому, чтобы перечислить их в явном виде и полностью, тогда как процент местоименной лексики в любых общих словарях микроскопически ничтожен.

3. М. принадлежат к числу наиболее употребительных слов языка, целиком «оккупируя» (вместе со служебными словами) статистическую (частотную) «верхушку» частотного словаря; поэтому в большинстве конкретных текстов большинства жанров местоименные словоформы составляют весьма значительную процентную долю.

4. М. имеют чрезвычайно абстрактное, обобщенное значение и потому потенциальная сфера предметной отнесенности любого М. по масштабу приближается к охвату всего мира (или, по крайней мере, его значительного фрагмента), подобно значениям таких немногочисленных «полуслужебных» существительных, как *вещь, предмет, человек, место, время, причина*.

5. Значение корней и основ М. имеет категориальный характер (сближаясь с такими грамматическими категориями, как лицо, а также с такими понятийными категориями, как вопрос, отрицание, такими синтаксическими категориями, как подчинение; такими коммуникативными категориями, как «данное» / «новое» и «определенность» / «неопределенность»).

6. В конкретном контексте замена одного М. на другое, как правило, затруднительна или даже невозможна, поскольку она обычно влечет за собой нарушение грамматической правильности высказывания (и целого текста).

7. Корни М. чрезвычайно коротки, до такой степени, что могут по протяженности сводиться к одной фонеме: так, вопросительность выражается однофонемным корнем *к-* (варианты *ч-*, *з-*) (напр., *к-уда, к-ак*), указательность — однофонемным корнем *т-* (указание с оттенком дальности, напр., *т-уда*) или *с'-* (указание с оттенком близости, напр. *с'-юда*), лицо и число — однофонемными корнями *м-*, *в-*, *н-* (ср. *м-ой, в-аш, н-аш*), ср. также очень короткий корень *в'*с'* (со значением общности: *вс'-е, вс'-егда, вс'-як*).

8. В речи большинство местоименных словоформ частично или полностью клитизованы. Они или имеют ослабленное ударение, или не имеют самостоятельного ударения вообще, а примыкают к соседнему (предшествующему или последующему) знаменательному слову и сливаются с ними в единое «акцентное слово». Это позволяет считать их «клитиками» (или «клитикоидами»).

Традиционные трактовки М., как правило, обращают внимание в большей мере на их «лексические» («знаменательные») свойства. Между тем для выявления функциональной специфики М. важнее всего акцентировать именно те свойства, которые придают им грамматический (служебный) характер.

Литература

1. Гард П. Структура русского местоимения // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XV: Совр. зарубежная русистика. М., 1985.
2. Евтюхин В. Б. Местоимение. СПб., 2001.
3. Исаченко А. В. О синтаксической природе местоимений // Проблемы совр. филологии. М., 1966.

4. Крылов С. А., Падучева Е. В. Местоимения // Лингвистический энциклопедический словарь. Изд. 2, испр. и доп. М., 2002.
5. Левин Ю. И. О семантике местоимений // Проблемы грамматич. моделирования. М., 1973.
6. Откупщицкова М. И. Местоимения современного русского языка в структурно-семантическом аспекте. Л., 1984.
7. Падучева Е. В. Высказывание и его соотносительность с действительностью. Изд. 5, испр. М., 2008.
8. Пеньковский А. Б. (отв. ред.). Русские местоимения: семантика и грамматика. Владимир, 1989.
9. Реформатский А. А. Местоимения // Реформатский А. А. Очерки по фонологии, морфонологии и морфологии. М., 1979.
10. Селиверстова О. Н. Местоимения в языке и речи // Селиверстова О. Н. Труды по семантике. М., 2004.
11. Шведова Н. Ю. Местоимение и смысл: Класс русских местоимений и открываемые ими смысловые пространства. М., 1998.
12. Шведова Н. Ю., Белоусова А. С. Система местоимений как исход смыслового строения языка и его смысловых категорий. М., 1995.
13. Garde P. Grammaire Russe. Phonologie et Morphologie. 2-eme édition remaniée. Paris, 1998.

Система вторичных предлогов и лексикализация существительных

Ч. Ляхур

Опольский университет (Польша)
czeslaw.lachur@interia.pl

Предлог, вторичный предлог, лексикализация, существительное

Summary. The lexicalization of nominal forms with or without a preposition is one of the ways employed for the development of the Slavic system of secondary prepositions. The present paper focuses on lexicalized prepositionless forms of nouns, which function as prepositions in specific contexts.

На протяжении последних десятилетий наблюдаются существенные процессы, происходящие в синтаксической системе славянских языков (в том числе и русского). Эти процессы заключаются в «анализации» языка, т. е. в переходе от синтетических к аналитическим формам (кстати, тенденция к анализу в современных языках затронула всю грамматику — от морфологии до синтаксиса).

Особым проявлением этих изменений является заметное увеличение элементов предложного характера, основной функцией которых в языке является указание на различные семантические и грамматические отношения между соединяемыми таким образом элементами высказывания. Данные единицы определяются как «вторичные (секундарные) предлоги». Они узко специализированы в семантическом и синтаксическом отношении, характеризуются сложной морфологической структурой: состоят в крайней мере из двух слогов. В этимологическом отношении — это чаще всего формы косвенных падежей существительного или предложные сочетания, т. е. соединения предлогов с существительными, наречиями, числительными, местоимениями.

Вовлечение знаменательных частей речи в категорию вторичных предлогов (предложных сочетаний) вызвано необходимостью уточнить значения падежных форм благодаря специализации значений предлогов. Рост предложных конструкций свидетельствует, с одной стороны, о внутренних процессах в языке, и, с другой стороны, о стремлении к более точной передаче необходимого смысла, к поиску адекватных способов дифференциации значений.

Данное исследование выполнено в рамках межнационального проекта «Славянские предлоги в синхронии и диахронии: морфология и синтаксис». Оно продолжает наблюдения над польским фрагментом славянской предложной системы.

Развитие вторичных предлогов осуществляется, главным образом, посредством лексикализации (точнее: синтаксической лексикализации) — процесса превращения определен-

ной словоформы или предложно-падежного сочетания в самостоятельную единицу. Статус данных единиц определяется наличием в их значении релятивного признака (указания на субъектно-объектные, локальные, темпоральные и др. отношения). В составе предложения такие единицы не занимают самостоятельной синтаксической позиции и не являются самостоятельными членами: они составляют с зависимым словом единую синтаксическую группу. Специфика установленных таким образом выражений влияет на то, что их до сих пор не включали в классификацию по частям речи как предлоги.

Предметом анализа в сообщении являются процессы лексикализации определенных беспредложных форм существительных как средство развития этой категории.

Оказывается, что «опредложиванию» посредством лексикализации могут подвергаться беспредложные словоформы (то есть словоформы без первичных предлогов) двух косвенных падежей, а именно родительного единственного числа: *rzeźba dłuta Dunikowskiego, włosy barwy miedzi, pracował czasy wojny, zelówki firmy Vibram*) и творительного единственного числа: *wybrać drogą eliminacji, celem uzyskania informacji, zbadać metodą absorpcji, wykonać techniką collage'u, postanowić mocą uchwytu, wydać nakładem Polskiego Komitetu Olimpijskiego, trybem zapytania o cenę, tytułem naprawienia szkody* (реже творительного множественного числа: *badać metodami wywiadu bezpośredniego, widzieć oczyma wyobraźni*). Интересно, что в данной функции все чаще встречается (особенно в польском языке) форма именительного падежа единственного числа: *rejs numer LO-165, armata wzór 44, rewolwer kaliber 12, samochód model 323, worek higieniczny typ GR 28* (которые сочетаются также с именительным падежом). Грамматики и словари не отмечают функционирования предложных единиц данного типа, поэтому им в сообщении уделяется особое внимание. Материал польского языка сопоставляется с русским языком.

Система русских темпоральных наречий в зеркале новогреческого языка

Ю. А. Марева

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
mar-julia@yandex.ru

Наречие, темпоральность, система, сопоставительный анализ

Summary. The work is devoted to Russian temporal adverbs, their systematization within functional communicative grammar and comparative analysis Russian and Greek adverbs.

Наречие — пожалуй, наименее изученная самостоятельная часть речи, особенно в сопоставительном аспекте, что

связано с трудностью классификации и систематизации наречий, «поскольку в дискурсе они оказываются изофунк-

циональны словоформам других частей речи, обслуживающих совместно с ними то или иное функционально-семантическое поле (ФСР)» [1: 66]. Таким образом, **объектом** данного исследования является категория наречия.

Опираясь на принципиальные положения функционально-коммуникативной грамматики (ФКГ), которая не противопоставляется грамматике традиционной, но пересматривает некоторые концептуальные положения последней, мы рассматриваем русские наречия как фрагмент ФСР времени в сопоставлении с соответствующими наречиями новогреческого языка. Следовательно, конкретным **предметом** нашего исследования является категория наречной темпоральности в русском и новогреческом языках.

Цель нашей работы — выявить общее и различное в семантике и грамматике темпоральных наречий русского и новогреческого языков.

В качестве **материала** исследования были использованы данные словарей, грамматик, примеры из живой речи, интернета. В отдельных случаях использовались сведения, полученные от информантов — носителей новогреческого языка.

Рассмотрение русских наречий и их иноязычных коррелятов в сопоставительном плане имеет в первую очередь собственно научную значимость, так как помогает выявить семантические, морфологические, синтаксические, коммуникативные, текстовые и другие специфические особенности этого категориального класса слов в разных языках. Элементы смысла, передаваемые наречиями, в разных языках закрепляются за языковыми формами, относящимися к разным частям речи. Наречиям одного языка могут соответствовать именные группы в другом, существуют синонимичные предложения с наречием в новогреческом языке и с именной группой в роли вводного слова в русском языке:

Или же именной локативной группе русского языка соответствует наречие новогреческого языка.

И в русском, и в новогреческом языке наречия образуются от других частей речи при помощи различных формантов, специальных морфем. В обоих языках существуют наречия, производные и непроизводные на синхронном уровне. Подавляющее большинство наречий соотносено со словами других знаменательных частей речи (мотивированные наречия). Таким образом, в новогреческом языке, как и в русском, наречия могут быть разделены на первичные (непроизводные, утратившие соотношенность со словами других знаменательных частей речи на синхронном уровне, в обоих языках этот класс представлен небольшим количеством наречий) и вторичные (производные).

При сопоставительном анализе мы применяем систематизацию русских темпоральных наречий, разработанную Ф. И. Панковым в рамках функционально-коммуникативной грамматики (ФКГ), к их новогреческим коррелятам. На основании сопоставления были обнаружены зоны сближения и расхождения между ними.

Соотношенность русских и новогреческих наречий в целом условно можно свести к двум основным типам: соответствия и несоответствия. Соответствие означает, что для русского наречия существует эквивалент в новогреческом. Несоответствия же могут быть двух типов: 1) русскому наречию соответствует другая часть речи в новогреческом языке; или 2) новогреческому наречию соответствует другая часть речи в русском языке.

На основании сопоставительного анализа системы русских и новогреческих темпоральных наречий мы обнаружи-

ли, что большинство наречий русского языка имеют точные соответствия в новогреческом языке, однако некоторые вообще не имеют коррелятов. И наоборот, в новогреческом языке существуют наречия, не имеющие аналогов в современном русском литературном языке.

В результате сравнения на формальном и семантическом уровнях были обнаружены черты как сходства, так и различия. В большинстве случаев можно провести параллель между семантическими группами русских и новогреческих темпоральных наречий. Все множество русских и новогреческих наречий ФСР времени может быть разделено на две большие группы: ТН, выражающие безотносительное время, и ТН, выражающие относительное время. Что касается следующих рангов разбиения, то в них обнаруживаются несоответствия. Так, в новогреческом языке в подмножестве темпоральных наречий, дифференцированных относительно кратности, отсутствуют наречия с указанием на количество действий. Не всегда русской адвербиальной лексеме можно подобрать новогреческий коррелят. Нередко греческому наречию соответствует иная лексема или сочетание нескольких лексем в русском языке. Нет адвербиальных коррелятов и для русских наречий, выражающих инклюзивное следование действия за другим действием, таких как *сызмальства, смолоду, исстари, издавна*. В новогреческом языке им соответствуют предложные конструкции.

Наречиям, как в русском, так и в новогреческом языках, свойственна редупликация, которая может усиливать, осложнять и изменять смысл исходного редупликанта. Однако в новогреческом языке редупликация представлена гораздо более широко, чем в русском языке, часто адвербиализируются слова других частей речи, в частности существительные в прямом и косвенных падежах, образуя богатый синонимико-варитивный ряд.

Однако рассмотрение русских наречий и их иноязычных коррелятов в сопоставительном плане имеет не только собственную научную значимость, но и решает ряд прагматических задач, связанных с практикой преподавания русского языка как иностранного, в частности грекам, и при изучении русскими новогреческого языка. В результате сопоставительного анализа языковых единиц на формальном и семантическом уровнях были обнаружены черты как сходства, так и различия. Это может быть полезно как для русских, изучающих новогреческий язык, так и при преподавании русского языка грекам. В этом заключается **практическое значение** данного исследования.

В новогреческих грамматиках к наречию как к части речи нередко относят слова совершенно разной категориальной природы, которые объединяет лишь признак неизменяемости (несклоняемости по падежам и неспрягаемости). Мы показали, что класс темпоральных наречий в русском и новогреческом языках не является бессистемным множеством лексических единиц, и в зависимости от их значения и употребления все темпоральные наречия могут быть отнесены к той или иной группе в представленной систематизации. Первые наблюдения показали, что лексический состав темпоральных наречий русского и новогреческого языков совпадает не полностью, однако в системах русских и новогреческих наречий можно найти и немало общего.

Литература

1. Всеволодова М. В. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса. М., 2000.

Семантика русских пространственных предлогов и проблема их перевода на персидский язык

3. Моаззен Задех

Мешхедский государственный университет им. Фирдоуси (Иран)

zeinab-m@yandex.ru

Языковая картина мира, семантика и синонимия предлогов, пространственные предлоги, перевод

Summary. *Semantics of Russian spatial prefixes and problem of their translation into Persian language.* The paper is devoted to the problem of semantics of spatial prefixes with meaning of approach and diverge in Russian and Persian languages and their translation. Practice of translation shows, that sometimes meanings given in dictionaries are not always sufficient for adequate translation. The correct choice of prefixes is mainly connected not with grammar, but with semantics. In the paper the aspects representing special difficulty for Persian students are analyzed.

Как известно, представление о пространстве у носителей разных языков (на примере нашего исследования, русского

и персидского) может быть разным. Лексико-синтаксическая категория пространства, в частности, в русском языке пред-

ставляет собой определенную систему значений, имеющую довольно сложную структуру. В языке фарси соответствующий фрагмент системы пространственных отношений отличается от аналогичной русской системы формами выражения. Также объем их значений не совпадает в русском и персидском языках.

В задачи настоящего доклада не входит всестороннее исследование всех русских предлогов, а только тех из них, которые являются наиболее трудными с точки зрения их перевода на фарси — в частности, предлоги со значением приближения (*в, на, к*) и удаления (*из, с, от*).

Семантика пространственных предлогов в русском языке и их употребление отличаются большим своеобразием. В связи с этим надо отметить ряд проблем, связанных с их переводом. Одна из них — это проблема определения значения предлога. Ее возникновение во многом обусловлено различными подходами к изучению предлогов в лингвистике. В большинстве традиционных грамматик значение предлогов определялось как способ выражения различных подчинительных отношений между главными и зависимыми членами внутри словосочетания и предложения. Однако в последних исследованиях ученые стали выделять значимость не только грамматического (синтаксического), но и лексического значения предлогов.

Именно разница в способе выражения представляет собой проблему выбора правильного варианта в процессе перевода. А с другой стороны, немаловажную роль играет полисемия предлогов. Кажется, что все значения предлогов уже достаточно подробно изучены и представлены в словарях. Но, как показывает практика перевода, значения, данные в толковых и даже в двуязычных словарях, не всегда достаточны. Они не дают возможности установить различия между значениями синонимичных предлогов. «Такие дифференции либо слишком расплывчаты и абстрактны, либо представляют собой определение одного предлога через другой, близкий ему по значению». Перевод предлога в предложении и в тексте еще труднее. Словарные толкования не могут предложить правильный вариант для каждой кон-

кретной ситуации, так как не способны предполагать существующую связь между значениями слов в каждом конкретном случае.

Исследование показало, что в этом отношении правильный выбор предлога и конструкции связан не столько с грамматикой, сколько с семантикой. Этот факт усложняет данный процесс и требует особого, внимательного подхода. Надо отметить, что существующие словари тоже не могут всегда точно и правильно указать на нужный предлог.

Здесь очень важна методика преподавания и презентации материала на разных этапах обучения в зависимости от подготовки студентов, будущих переводчиков. Можно сказать, что еще очень важную роль играет знакомство преподавателя русского языка в персидской аудитории со структурой грамматики персидского языка, как языка типологически иного по сравнению с русским языком. На наш взгляд, привлечение преподавателя к существованию такого отличия в системе предлогов обоих языков поможет ему сопоставить разные аспекты и применить их в практике перевода. Это, в свою очередь, будет способствовать лучшему усвоению материала студентами, повысив качество их переводов.

Литература

1. *Бороздина И. С.* Семантика пространственных предлогов (на материале английского и русского языков): Дис. ... канд. филол. наук. Курск, 2003.
2. *Всеволодова М. В., Владимирский Е. Ю.* Способы выражения пространственных отношений в современном русском языке. 2-е изд., доп. М., 2008.
3. *Золотова Г. А.* Синтаксический словарь: Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса. М., 2006.
4. *Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка. М., 2007.
5. *Персидско-русский словарь / Под ред. Ю. А. Рубинчика.* 3-е изд. Тегеран, 2005.
6. *Рубинчик Ю. А.* Грамматика современного персидского литературного языка. М., 2001.
7. *Русская грамматика / Под ред. Н. Ю. Шведовой.* М., 1980.

К синтаксической классификации лексики: имена-классификаторы

И. С. Сенина

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

senina_irina@mail.ru

Классификаторы, антропонимы, родовые слова, абстрактные имена, биниминативные предложения

Summary. Some group of nouns used with personal nouns are defined as qualifies. They can be less or more abstract therefore they form deferent structures.

Среди так называемых показателей смысловых отношений — единиц, лишенных денотата, но формирующих семантическую структуру предложения — выделяется особая функциональная группа — классификаторы (*Исследование — длительный процесс; Петя — благородный человек; Этот праздник — важное событие*).

Термин предложен Е. М. Вольф [2]. Она определила классификаторы как предикатные имена, обозначающие сферу действия признака, в частности состояния (*в состоянии отчаяния; в праздничном настроении*). Но состав классификаторов можно значительно расширить.

Классификаторы представляют собой единую группу строевых единиц, имеющих свои закономерности функционирования. В качестве примера исследованы классификаторы, употребляющиеся с личным субъектом в биниминативных предложениях (*Оля — добрая девочка; Иванов — важное лицо в этой организации; Троцкий — историческая фигура*). В результате выявлены следующие тенденции:

1. Группу классификаторов, употребляющихся с личным субъектом, составляют имена-антропонимы с разной степенью абстрактности значения: родовые слова (*человек, мужчина, женщина, девочка, мальчик* и т. д.) и абстрактные имена (*лицо, персона, личность, тип, субъект* и т. д.).

2. Классификаторы закреплены за определенными денотативными сферами реализации предикатных признаков: физической (*Она высокая, стройная девушка с рыжими волосами*), физиологической (*Она здоровая женщина*), социальной (*Иван Иванович — государственное лицо с больши-*

ми полномочиями), эмоционально-психической (*Маша — добрая девушка*), интеллектуально-творческой (*Он одаренный молодой человек*) и духовной (*Человек — грешное существо*) — применена классификация Т. В. Шмелевой [3: 14–15], углубленная и развитая М. В. Всеволодовой [1: 139].

Классификаторы различаются по возможностям функционирования в составе предикатов, выражающих признаки разных сфер:

– **родовые слова** функционируют в основном в физической и физиологической сферах (*Вошел сторож, долговязый юноша в кепке; Он сильный и здоровый мужчина*), а также большая часть из них активно сочетается с оценочными признаками эмоционально-психической и интеллектуально-творческой сфер (*Маша — добрая девушка; Она умная женщина*);

– **абстрактные имена** более четко, чем родовые, закреплены за определенными сферами: классификаторы *лицо, персона, фигура, деятель* употребляются почти исключительно в социальной сфере (*Он важное лицо в этой организации; Посол является официальной персоной; Он выдающаяся политическая фигура; Иванов — знаменитый государственный деятель*); классификаторы *душа, душонка* — в эмоционально-психической (*Он добрая душа; Петров — ничтожная душонка*); классификатор *личность* функционирует в пограничной зоне социальной и эмоционально-психической сфер (*Он свободная личность, яркая и запоминающаяся*); классификатор *натура* объединяет эмоционально-психическую и интеллек-

туально-творческую сферы (*Он тонкая, романтическая натура*).

1. Родовые имена образуют изосемические биноминативные структуры (*Он умный человек*), а имена с большей степенью абстрактности — неизосемические (*Он известная историческая фигура данного периода*).

2. Перечисленные различия в употреблении родовых имен и абстрактных в качестве классификаторов позволяют выявить их функциональные различия:

– для **родовых** основными являются функции синтагматические: возможность сочетать в одном предикате или в пределах нескольких однородных предикатах в одном простом предложении разные характеристики (*Он добрый, умный, светлый человек*) или противопоставить их (*Она умная, но тщеславная женщина*), а также стилистические функции с возможностью выразить различные субъективные смыслы (см. фамильярность характеристики *Он славный малый*);

– **абстрактные имена** являются трансформаторами, позволяющими разные формально-семантические типы предикатов свести в одну структуру (*Он занимается политикой и выделяется среди других* → *Он — выдающийся политический деятель*; *Она с доброй душой* → *Она добрая душа*).

Анализ структур с классификаторами поставил множество разнообразных вопросов, которые пока не затронуты в лингвистике. Открылась перспектива развития идеи денотативных сфер реализации предикатов разного типа. На данный момент не все сферы имеют четкие очертания, особенно физиологическая и духовная.

Иное направление развития — выделение классификаторов, характеризующих другие типы субъектов, помимо личных (зоонимы: *Кабан — животное дикое*; событийные имена: *Гроза здесь — явление редкое*; признаковые имена: *Красота — признак особый* и т. д.), а также рассмотрение возможности других, помимо биноминативной структуры, позиций для классификатора (в дескрипции: *состояние отчаяния, метод дедукции, признак хрупкости*; при именах собственных: *девочка Маша, масло «Олейна», попугай Кеша, праздник Рождества* и т. д.).

Литература

1. Всеволодова М. В. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса. М., 2000.
2. Вольф Е. М. Оценки состояний // Семантические типы предикатов. М., 1982.
3. Шмелева Т. В. Семантический синтаксис: Текст лекций. Красноярск, 1988.

К вопросу о словах неопределенной категориальной принадлежности

Г. Н. Сергеева

Дальневосточный государственный университет (Владивосток)

t.zukova@rambler.ru

Модальные слова, служебные части речи, слова-гибриды

Summary. The report attempts to specify the status of some lexemes — equivalents of word. Traditionally they concern to adverbs or modal words and not fixed in the linguistic literature. In these words attributes of different parts of speech are combined with attributes of syntactic words. It testifies that these words have no certain status.

В современном русском языке, наряду с языковыми единицами, отнесение которых к определенной части речи не вызывает сомнений, существует большая группа образований, категориальный статус которых не подлежит однозначной квалификации. Обычно это слова, которые в лингвистической литературе и словарях включаются в категорию наречий, модальных либо служебных слов. Часто они совмещают признаки этих частей речи. Сложилась традиция называть такие слова дискурсивными. Многие из них вообще не зафиксированы в лингвистической литературе. Особенно много подобных образований среди эквивалентов слова — неоднословных образований, в частности построенных по модели *предлог + суф.* Среди них есть и слова широкоупотребительные (*в общем, в целом, в принципе* и др.), и ограниченные сферой употребления. Одним из таких слов является лексема *по умолчанию*.

В словарях *по умолчанию* не зафиксировано. Слово пришло из языка компьютерных технологий. Оно широко употребляется в официально-деловом стиле — руководствах пользователя, в инструкциях по эксплуатации различных цифровых аппаратов, например цифровых беспроводных телефонов. Условия его употребления — в семантически емких, лаконичных построениях — соответствуют назначению делового документа. Обычно это 1) вставочная конструкция, использующаяся при описании алгоритма каких-либо действий (запрет вызова, настройки базового блока и др.), в которых *по умолчанию* находится в изолированной позиции: *Выбор типа CLIP. [В таблице — в рубрикации ТИП CLIP]. FSK (по умолчанию);* в присловной позиции: *3. Введите нужный код. Следуйте инструкциям в столбце «Функция». [Далее приводится таблица, в которой указывается код и функция — с пометой (настройка по умолчанию)];* 2) номинативная структура: *Если не удастся сделать выводы, изложить эту установку в соответствии с услугой, предоставляемой телефонной компанией. Установка по умолчанию: импульсный.* Глагольные построения редки, сочетаемость лексически ограничена: *По умолчанию режим идентификации вызывающего абонента установлен на «cid on».*

Сфера употребления *по умолчанию* не ограничивается официально-деловым стилем. Оно используется в языке СМИ (газета, радио), но обычно там, где речь идет о право-

вых актах (новая система оплаты труда, пенсионная реформа, правила дорожного движения и т. д.); в научном стиле (научные труды, статьи, отзывы о диссертациях, дипломные работы, доклады на научных конференциях и т. д.); в устной речи.

Значение *по умолчанию* не тождественно в разных функциональных стилях: в официально-деловом оно означает 'как принято', 'как определено, установлено стандартом' (= 'об этом нет смысла говорить'). В публицистическом и научном стилях значение *по умолчанию* во многом контекстно, но сема 'само собой разумеется' присутствует. Напр.: *Итак, можно полагать, что при отсутствии лексических конкретизаторов в конструкции с союзом «прежде чем» по умолчанию обозначается некоторый интервал между следующими друг за другом ситуациями* (В. С. Храковский).

Зависимость значения *по умолчанию* от контекста проявляется в определенных построениях: в конструкциях с противительного-сопоставительными союзами и их аналогами (*но, а, однако, в противном случае* и др.); в пояснительных конструкциях, организованных союзами (*или, то есть*) или бессоюзных — с интонацией уточнения; во вставочных конструкциях; в «разъясняющей» конструкции «это значит, что...». Разъяснение может содержаться в предтексте или посттексте. По сравнению с официально-деловым стилем наблюдается разнообразие конструкций; нет строгости в структурной организации высказываний с лексемой *по умолчанию*.

Происходит расширение сочетаемости, хотя преимущественно *по умолчанию* употребляется со словами мыслительной деятельности (*предполагается, подразумеваются, считаться(ся), выводить, понятно, ясно* и т. д.); употребление со словами других семантических групп сопровождается наличием слов модальной семантики (*решили забыть, могли работать, должен быть национализировано, должен предоставлять, обязан предоставлять* и т. д.).

Употребляя *по умолчанию* в языке газеты и научном стиле, пишущий (говорящий) одновременно оценивает уместность его употребления. Это находит отражение в различных способах выделения слова, из которых наиболее распространены метатекстовые высказывания (*так сказать, как говорится, что называется*) и кавычки. Напр.: — *Я им [в РГБ] не писала. Всё решилось [книга попала] ну, так сказать, по умолчанию* (Преподаватель-лингвист. Доклад на заседании

кафедры); *И всё-таки судьба пешехода часто складывается «по умолчанию».* Это значит, кое-что в правилах [дорожного движения] о нас, двуногих, тоже есть <...> (Изв. 11.09.08).

Что касается частеречной принадлежности *по умолчанию*, то можно говорить о признаках наречия (адвербиальная форма) — в присловной позиции с характеризующим значением (при глаголе, прилагательном, реже — при существительном). Однако, будучи свободной словоформой, *по умолчанию* чаще употребляется на уровне предложения (зна-

чение цели, причины, синкретизм значений). Наблюдается тенденция к изолированному употреблению (вставка). Основное — адвербиальное — значение сопровождается оценочным. В этом случае можно говорить о слове неопределенной категориальной принадлежности. Это подтверждается и употреблением *по умолчанию* в синонимическом ряду с другими словами, также имеющими широкий набор функций. Напр.: — *Действительно, все мы патриоты. Это по определению, по умолчанию должно быть ясно* (Радио России. 18.06.04).

Предложные единицы с условным значением в русском и украинском языках

А. В. Ситарь

Донецкий национальный университет (Украина)
savchuk@interdon.net

Е. Н. Виноградова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
ekaterinavin@mail.ru

Предлоги, сопоставительный анализ, условные отношения

Summary. The full row of prepositions expressing condition is examined and report. Prepositions in question are compared in Russian and Ukrainian languages.

1. В русской грамматике способы выражения условия в простом предложении описаны достаточно скудно: предлоги, выражающие условие, выделяются не всегда [2], [6], в функционально-коммуникативной грамматике обычно говорят лишь о нескольких предложных средствах, способных выражать условие: *при* + N_{предл.}, *в случае* + N_{род.}, *без* + N_{род.} [1: 523]. В украинистике наличие условных предлогов констатируется без уточнения их состава [5]; [9] и детального описания [3]. Однако, анализ материала в ходе работы над международным проектом «Славянские предлоги в синхронии и диахронии: морфология и синтаксис» (о проекте см., напр., [4]) показал, что это список гораздо шире. Так, в словаре [7] зафиксировано 29 условных единиц, а в работе [8] в их состав включено уже 44 единицы, дифференцированных по таким критериям: структуре, производности, типу управления, вариативности, системности / окказиональности и др.: укр. «*Це ті конкретні проекти, від яких, за допомоги ЄС, ми зможемо отримати практичну вигоду*», — *наголосила Секретар РНБО України* (Прес-служба Президента України В. Ющенко, 24.06.2009) = «Если ЕС поможет, мы получим выгоду от этих конкретных проектов»; *За відсутності згоди дозвіл на реконструкцію будинку не видається або спір розв'язується в судовому порядку* (Житловий кодекс України) = «Если отсутствует согласие [арендаторов], разрешение на реконструкцию дома не выдается». Ср. рус. *Мы сознавали, что с помощью американцев можно будет поправить это положение...* (НКРЯ) = «Если американцы помогут»; *Тогда даже в отсутствие взрослого он сможет сам справиться с такими ситуациями* (НКРЯ) = «Если взрослый будет отсутствовать».

Отсутствие комплекса специфических средств выражения условия является характерной чертой рассматриваемой группы предложных средств. Скорее всего, синкретичность предлогов, способных выражать условие, и обусловила то, что их редко выделяют в отдельную группу. Отметим также, что данные предложные единицы могут выражать оба типа условных отношений: реальное и ирреальное: рус. *Без вашей помощи он не справился бы* = «Если бы вы ему не помогли, он не справился бы».

Среди рассматриваемых предлогов можно выделить две группы по типу контекста, в которых предложная единица может получать значение условия.

1. Предложные единицы первой группы включают предлог *без* + N_{род.}: рус. *без поддержки* + N_{род.}, *без помощи* + N_{род.}, *без участия* + N_{род.}, *без учета* + N_{род.} и пр.; укр. *без підтримки* + N_{род.}, *без допомоги* + N_{род.}, *без участі* + N_{род.}, *без урахування* + N_{род.} и др. Напр.: рус. *Нам не достичь этих целей без поддержки со стороны частного сектора*, заявил Аннан (Инт.) = «Если частный сектор не будет нас поддерживать, мы не достигнем этих целей»; укр. *Було очевидно, що поляки не зможуть перемогти без підтримки народу, тобто українських селян* (О. Субтельний) = «Если народ, т. е. украинские крестьяне, не будут поддерживать поляков, поляки не победят». Обычно подобные предложные единицы приобретают значение условия в случае, если

в основном предложении есть отрицание и оно относится к будущему времени.

2. Предложные единицы второй группы актуализируют значение условия в предложениях, относящихся к будущему времени, и не требуют обязательного отрицания: рус. *в* + N_{предл.}, *в атмосфере* + N_{род.}, *в обстоятельствах* + N_{род.}, *в обстановке* + N_{род.}, *в отсуствии* + N_{род.}, *в присутствии* + N_{род.}, *в условиях* + N_{род.}, *перед лицом* + N_{род.}, *при отсуствии* + N_{род.}, *при наличии* + N_{род.}, *при помощи* + N_{род.}, *при поддержке* + N_{род.}, *при содействии* + N_{род.}, *при условиях* + N_{род.}, *при условии* + N_{род.}, *при участии* + N_{род.}, *с помощью* + N_{род.} и пр.; укр. *у / в* + N_{предл.}, *в атмосфері* + N_{род.}, *в обставинах* + N_{род.}, *в обстановці* + N_{род.}, *за відсутності* + N_{род.}, *за присутності* + N_{род.}, *в умовах* + N_{род.}, *перед обличчям* + N_{род.}, *за наявності* + N_{род.}, *за допомоги* + N_{род.}, *за допомогою* + N_{род.}, *за підтримки* + N_{род.}, *за сприяння* + N_{род.}, *за умов* + N_{род.}, *за умови* + N_{род.}, *за участі* + N_{род.} и др. Напр.: рус. *Я все равно, даже перед лицом смерти, буду знать и говорить, что я не виновен в этом преступлении...* (НКРЯ) = «даже если буду умирать»; укр. *Нові робочі місця на Буковині будуть створені за сприяння Німеччини* (Инт.) = «Если Германия поспособствует».

II. При сопоставлении группы предложных единиц со значением условия в русском и украинском языках зафиксировано несоответствие количественного и качественного состава:

В составе условных предлогов наличествуют лакуны. В частности, для русских предложных единиц *без посредства* + N_{род.}, *взамен за* + N_{вин.}, *взамен на* + N_{вин.}, *при посредстве* + N_{род.} в украинском языке формальные соответствия отсутствуют.

Два синонимичные русских предлога могут иметь только один украинский эквивалент и наоборот, ср.: рус. *в порыве* + N_{род.}, *в пылу* + N_{род.} — укр. *у / в запалі* + N_{род.}; рус. *в отсуствии* + N_{род.}, *при отсуствии* + N_{род.} — укр. *за відсутності* + N_{род.}; рус. *за вычетом* + N_{род.}, *за исключением* + N_{род.} — укр. *за винятком* + N_{род.}; укр. *перед обличчям* + N_{род.}, *перед лицем* + N_{род.} — рус. *перед лицом* + N_{род.}; укр. *у / в разі* + N_{род.}, *у випадку* + N_{род.} — рус. *в случае* + N_{род.} и др.

Структурно предлоги-эквиваленты в двух языках могут различаться такими параметрами:

а) категорией падежа релятивного существительного, напр.: укр. *за відсутністю* + N_{род.} (ср. и *за відсутності* + N_{род.}) — рус. *при отсуствии* + N_{род.};

б) наличием разных первообразных предлогов в составе предложного аналога (и вследствие этого изменения падежной формы релятивного существительного); в частности, системным для условного значения является соответствие *при* — *за* как отдельных предложных единиц и как составляющих аналитических конструкций: рус. *при отсуствии* + N_{род.} — укр. *за відсутності* + N_{род.}, рус. *при наличии* + N_{род.} — укр. *за наявності* + N_{род.}, рус. *при поддержке* + N_{род.} — укр. *за підтримки* + N_{род.}, рус. *при содействии* + N_{род.} — укр. *за сприяння* + N_{род.} и др.;

в) количественным и качественным (исходной части речи) составом предложных единиц: рус. *в сравнении с* + N_{твор.},

по сравнению с+N_{твор.} — укр. порівняно з +N_{твор.} / порівняно до + N_{род.} (у / в порівнянні з + N_{твор.}, квалифицируется как русская калька).

Литература

1. Величко А. В. Условные отношения // Книга о грамматике: Материалы к курсу «Русский язык как иностранный» / Под ред. А. В. Величко. М., 2004.
2. Виноградов В. В. Русский язык (грамматическое учение о слове). М., 1972.
3. Вихованець І. Р. Прийменникова система української мови. Київ, 1980.
4. Всеволодова М. В., Клобуков Е. В., Кукушкина О. В., Поликарпов А. А. К основаниям функционально-коммуникативной граммати-

ки русского предлога // Вестник Моск. ун-та. Серия 9. «Филология». 2003. № 2.

5. Городенська К. Г. Прийменник // Безпояско О. К., Городенська К. Г., Русанівський В. М. Граматика української мови. Морфологія: Підручник. Київ, 1993.
6. Грамматика русского языка / Под ред. В. В. Виноградова и др. М., 1960.
7. Загнітко А. П., Данилюк І. Г., Ситар Г. В., Щукіна І. А. Словник українських прийменників. Донецьк, 2007.
8. Загнітко А. П., Ситар Г. В. Прийменники зі значенням умови в українській мові: функційний аспект // Славянските предлози. Велико Търново, 2007.
9. Колодязний А. С. Прийменник // Сучасна українська літературна мова. Морфологія. Київ, 1969.

Опыт создания учебного функционального словаря русских наречий (на материале кванторных лексем)

Е. М. Степанычева

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

kattarina@mail.ru

Наречие, квантор, лексикографическая атрибуция

Summary. The aim of our work is developing an appropriate lexicographic description of those Russian adverbs that we call 'quantor'; a description that could serve as a basis for dictionary articles for the future Functional dictionary of Russian adverbs. It is worth mentioning that not only lexical but also grammatical and communicative features of adverbs' functioning are to be reflected in such a dictionary.

В центре внимания нашего доклада — лексикографическое описание наречий, которые традиционно определяются как синонимичные. Это, в частности, так называемые кванторные наречия — адвербиальные лексемы, «так или иначе связанные с выражением квантификации» [1: 26]: *часто, зачастую, нередко* и др.

Вопросы об особенностях функционирования подобных наречий и других квазисинонимичных слов возникают не только в русской, но и в иностранной аудитории. Например, в большинстве современных словарей *часто* и *зачастую* представлены как синонимы, при этом *зачастую* имеет стилистическую помету «разг.». Для иностранных учащихся это служит основанием употреблять слова *зачастую, часто, нередко* в одних и тех же контекстах, отдавая предпочтение наречию *зачастую* в разговорной речи. В результате допускаются ошибочные употребления типа: **Я слушаю музыку очень зачастую*. Очевидно, что в этом контексте корректно лишь употребление *часто*.

Руководствуясь данными традиционных словарей, невозможно объяснить, почему «синонимичные» наречия не всегда взаимозаменяемы. Ни один словарь не дает указаний на их грамматические и коммуникативные особенности. Для решения этой проблемы необходимо глубокое исследование каждой отдельной лексемы, основанное на тщательном анализе примеров употребления словоформ наречий в речи. Результаты таких исследований должны отражаться в словарях особого типа — так называемых функциональных [2], призванных не просто описывать семантику лексем, но и характеризовать их функционирование в речи, объединяя лексику и грамматику в единое целое.

Рассмотрение кванторных наречий позволило выделить их лексико-семантические варианты (ЛСВ) и проанализировать функционирование каждого из них в отдельности. В ходе анализа материала мы выстроили схему атрибуции наречий, сформулировав определенный набор параметров, по которым можно характеризовать языковой статус ЛСВ слов и их употребление в речи.

Первым параметром является **этимология**, выявление которой позволяет проследить, как развивалась во времени семантическая и грамматическая оформленность той или иной лексемы.

Второй параметр в нашей схеме атрибуции — **семантика**, позволяющая очертить семантические границы лексемы. Так, в рамках наречия *часто* выделены три основных ЛСВ: 1) темпоральный *часто*₁ «повторяющийся через короткие промежутки времени»: *Последние два года у спортсмена часто случаются обострения*; 2) локативный *часто*₂ «с небольшими промежутками, на небольшом расстоянии»: *Деревья в саду посажены часто*; 3) собственно квантитативный *часто*₃ «во многих случаях»: *Конкретные цели на пути к общему достижению часто необъяснимы*.

Лексема же *зачастую* представлена только одним ЛСВ — квантитативным «во многих случаях»: *Жизнь и действия людей, ему подобных, зачастую алогичны*. Выяснилось, что синонимичными являются не лексемы *часто* и *зачастую* в целом, а лишь их квантитативные ЛСВ, допускающие взаимозамену: *Конкретные цели на пути к общему достижению часто / зачастую необъяснимы; Жизнь и действия людей, ему подобных, зачастую / часто алогичны*.

Кроме того, в рамках семантики рассматриваются такие дополнительные параметры, как оценочность ЛСВ и градуируемость признака, выражаемого наречиями, а также их синонимика и антонимика.

Третий параметр — **коммуникативный статус** [3] словоформы — служит для характеристики ЛСВ с точки зрения их способности занимать различные позиции в коммуникативной структуре высказывания.

Четвертым важным основанием для сопоставления и выявления специфических признаков кванторных наречий являются их **синтаксические особенности**: позиции и некоторые синтагматические свойства словоформ, описание которых не только расширяет наше представление о синтаксическом потенциале лексем, но и помогает выявлять различия в употреблении синонимичных ЛСВ.

В рамках параметра «синтаксические особенности наречий» отдельно рассматривается употребление словоформы с глаголами, что позволяет детальнее познакомиться с синтаксическим потенциалом ЛСВ и предупредить возможные ошибки учащихся в употреблении тех или иных наречий с глагольными формами.

Пятый параметр в схеме атрибуции — **стилистикальные особенности** наречий — позволяет охарактеризовать каждый ЛСВ с точки зрения его стилистической маркированности.

Последним параметром является **сопоставление русских наречий с иноязычными эквивалентами**, позволяющее найти их соответствия в других языках в целях создания максимально полного описания лексем и призванное помочь иностранным учащимся в обучении правильному употреблению русских наречий.

Итак, представленные в традиционных словарях данные о семантической структуре наречий являются довольно скудными, а информация об их грамматических и коммуникативных свойствах попросту отсутствует. Для создания адекватного лексикографического описания необходимо тщательный анализ употребления наречий в речи и тексте и выявление семантической структуры той или иной лексемы. Каждый ЛСВ может быть охарактеризован по ряду релевантных параметров, составляющих схему его лексикографической атрибуции. Результатом анализа наречий по этим параметрам являются лексикографические «портреты» лексем, которые могут стать основой для составления словарных статей будущего функционального словаря русских наречий.

Литература

1. Падучева Е. В. Наречие как кванторное слово // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. Т. 48. 1989. № 1.

2. Панков Ф. И. О функциональном словаре русских наречий // Актуальные проблемы современной лексикографии. М., 1999.
3. Янко Т. Е. Коммуникативные стратегии русской речи. М., 2001.

Корреляты предлогов с предметным ориентиром, составляющие функционально-семантическую категорию именной атрибутивной параметрической характеристики

Р. Судзуки

Медицинский университет Саппоро (Япония)

lina-szk@mtu-net.ru

Корреляты предлогов, словоформы параметрических существительных, функционально-семантическое поле количественности, семантическая парадигма, синонимико-вариативный ряд, предметный ориентир

Summary. The article is dedicated to the consideration of nouns, which in the Russian in some of their word forms systematically come out in function of preposition and join to themselves as an operated unit numerals or nouns.

Данное исследование посвящено одному фрагменту русской предложной системы, как особому типу предложных единиц — коррелятам предлогов, формируемых существительными, которые в некоторых своих словоформах выступают в функции предлога и присоединяют к себе в качестве управляемой единицы квантитатив или существительное. Словоформы параметрических существительных вводят либо атрибутивную характеристику: *доска длиной два метра*; либо вводят обстоятельственную характеристику: *Машина едет со скоростью сто километров в час*. Объектом анализа здесь являются словоформы параметрических существительных именной атрибутивной параметрической характеристики. Для выражения количественности в первую очередь используется числительное, но количество может быть выражено также без числительного. Все эти случаи относятся к категории количественности. Словоформы параметрических существительных именной атрибутивной параметрической характеристики также могут вводить показатель квантитатива: *пруд диаметром в пять метров*; и показатель предмета: *пруд диаметром с большую лужу*. В докладе рассматриваются корреляты предлогов с предметным ориентиром, являющиеся оппозицией по способу представления количества.

Каждая из именных словоформ, образующих коррелят, может выступать в форме «тв. п. без предлога» типа **величиной, размером**, присоединяя в постпозиции дополнительные компоненты: 1) первичные предлоги: **в, с, от, до**: *компьютер с Windows XP размером в ладошку; опухоль величиной от просяного зерна до лесного ореха*; 2) вторичные предлоги: **около, порядка**; 3) компаративы: **более, меньше, больше чем, менее чем**: *бабиана прямой величиной больше, чем гладиолус; ягода величиной меньше, чем напёрсток*; 4) наречие: **приблизительно, примерно**: *рябчик размером приблизительно с ворону* и т. п.

В системе коррелятов — параметрических существительных эти единицы образуют семантическую парадигму с определенным набором членов, и могут быть категоризованы в виде дихотомического дерева оппозиций. Функционирование всех составляющих таких единиц подчиняется общим закономерностям, и таким образом, образует определенную систему. В рамках фрагмента дихотомической системы словоформ именной атрибутивной параметрической характеристики выделяются определенные значения, каждое из которых представлено синонимико-вариативным рядом. В них первой является оппозиция способа представления количества и предмета. «Корреляты с предметным ори-

ентиром» проявляются в наименовании «компарата» и «лимитатива», и каждое значение реализуется в оппозиции на основании определенных средств выражения.

Анализ именных групп, образуемых словоформами параметрических существительных, выступающих в функции предложной единицы, показывает, что они системно образуют достаточно большой корпус реализаций и являются компонентом не описанной до сих пор функционально-семантической категории именной параметрической характеристики — одного из центральных фрагментов функционально-семантического поля количественности. Системно образуемые словоформы параметрических существительных представляют несколько синонимико-вариативных рядов, каждый из которых формирует одно из значений функционально-семантической подкатегории именной атрибутивной параметрической характеристики. Синонимико-вариативные ряды образуются именованными группами, формируемыми словоформами параметрического существительного с участием как первичных и вторичных предлогов, так и компаративов, наречий, прилагательных и местоимений. Это подтверждает участие в этих рядах единиц разных уровней. Система значений и варианты реализаций соответствующих синтаксисом будут представлены в докладе.

Литература

1. Бондарко А. В. Теория значения в системе функциональной грамматики. М., 2002.
2. Бондарко А. В. и др. Теория функциональной грамматики: Качественность. Количественность. СПб., 1996.
3. Володина Г. И. Практический курс русского языка для студентов-иностранцев, обучающихся на естественных факультетах и в вузах естественно-технического профиля. М., 1977.
4. Всеволодова М. В., Клубуков Е. В., Кукушкина О. В., Поликарпов А. А. К основаниям функционально-коммуникативной грамматики русского предлога // Вестник Московского университета. Серия 9. «Филология». 2003. № 2.
5. Всеволодова М. В. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса. М., 2000.
6. Судзуки Р. Поле количественности и «параметрические предлоги» в русском языке // Вестник Московского университета. Серия 9. «Филология». 2007. № 5.
7. Судзуки Р. Русские предложные единицы как составляющая категории количественности // Голоса молодых ученых: Сборник научных публикаций иностранных и российских аспирантов-филологов. Выпуск 20. М., 2007.
8. Шелякин М. А. Справочник по русской грамматике. М., 2003.

Семантика конструкций с обязательной предложно-падежной формой **в + Вин. падеж** (пример корпусного исследования)

Е. В. Томас

Институт филологии Сибирского отделения РАН (Новосибирск)

thomkat@yandex.ru

Синтаксис, предлог, Винительный падеж, корпус, статистика

Summary. This research is an example of Russian syntax corpus studying. It represents the analyses of the syntactic construction with certain obligatory component (substantive in the Accusative with preposition *в*), points out the main regularities and demonstrates corresponding statistical data.

Задачей исследования было рассмотреть структурно-семантические особенности конструкций с обязательным ком-

понентом в форме Винительного падежа с предлогом *в*, выделить основные смысловые блоки предложений и устано-

вить основные закономерности употребления конструкций с опорой на статистические корпусные данные.

Исследование проводилось на материале «Национального корпуса русского языка» (<http://www.ruscorpora.ru/>). В качестве источников использовались отрывки из художественной литературы второй половины XX в. Поиск проводился по трем ключевым позициям со следующими параметрами:

- 1) V;
- 2) на расстоянии от **1** до **3** от в;
- 3) на расстоянии от **1** до **3** от S, (acc|acc2).

Было отобрано 1000 примеров, удовлетворяющих структурно-семантическим требованиям. Анализ полученного материала позволил выявить следующие закономерности:

1. Семантическим ядром конструкций с обязательным компонентом *в + Вин. надеж* являются предложения **пространственной семантики**. Нам удалось вычленил несколько структурно-семантических разновидностей:

1.1. Конструкции **со значением движения** вида «субъект перемещается в определенное пространство», в которых предложно-падежная форма описывает конечную точку на пути субъекта. (При рассмотрении предложений с точки зрения их структурно-семантического устройства мы опирались на классификацию пропозиций Т. В. Шмелевой [2].) Подобные предложения составили 51% всей выборки. По лексико-семантической группе предиката конструкции могут быть двух разновидностей:

а) предложения *со значением физического движения* (37,3% выборки). Например: *он пошел в магазин, она прыгает в трамвай, они пробрались в здание;*

б) предложения *со значением психического движения* (термин заимствован из работы Е. В. Падучевой [1]) (13,7% выборки). Предикатами в предложениях выступают, в первую очередь, две группы глаголов с корневыми морфемами *-смотр-* и *-гляд-*, а также некоторые другие: *она глядела в окно, он смотрел в зеркало, подросток уставился в пол.*

1.2. Конструкции **со значением перемещения** вида «субъект перемещает объект в определенное пространство». По частотности эти предложения занимают вторую позицию, их общее количество составляет 28,5%. Например: *она положила письмо в ящик, мужчина повесил пиджак в шкаф, он проводил сына в школу.*

2. Второй смысловой блок формируется глаголами **действия**: «субъект воздействует на объект». Объектом в данном случае выступает компонент *в + Вин. надеж* как конечная точка применения силы. Предложения этого вида составляют 10,5% картотеки. Например: *она постучалась в окно, они барабанили в двери и окна.*

3. Периферию среди предложений с обязательным компонентом в форме Винительного падежа с предлогом *в* образуют не первичные и семантически не элементарные кон-

струкции (10% выборки). Среди них выделилось несколько наиболее часто воспроизводимых в текстах структур, составивших 9,1% картотеки.

3.1. Предложения *со значением трансформации* (3,4% выборки). Трансформация может замыкаться на субъекте (структурный аналог движения) или же быть следствием внешнего воздействия (аналог перемещения). Примерами предложений первой разновидности являются следующие: *девушка превратилась в мачеху, смех переходил в хохот, симптомы перетекли в диагноз.* Ко второй разновидности относятся следующие случаи: *они превратили жилища в пыль, ты превращал шкаф в святыню, они объединили участки в (большой) надел.*

3.2. Предложения *со значением изменения внешнего облика*, тесно связанные с конструкциями перемещения, однако конечная точка (компонент *в + Вин. надеж*) одновременно выполняет функцию инструмента: *он завернул баночку газету, девочка разодела куклу в меха, он раскрасил слоненка в (розовый) цвет.* (2% выборки).

3.3. Конструкции *со значением вхождения в какое-то общество*, прототипом для которых послужили предложения с семантикой движения (*она поступила в университет, он устроился в исполком, она пошла в (первый) класс*) или перемещения (*отец перевел его в (другую) школу, комиссия приняла / зачислила ее институт*). Они составили 1,5% картотеки.

3.4. Предложения *со значением эмоционального отношения к объекту* (1,2%). Они реализуются с глаголами *верить* и *влюбиться*: *он не верил в учение (йогов), он влюбился в училку по истории.*

3.5. Предложения *со значением игровой деятельности* (1% выборки). Предложно-падежная форма обозначает предмет деятельности субъекта: *они играли в шашки, он режется в карты, он поиграл (с нами) в баскетбол.*

Таким образом, в ходе исследования удалось установить, что почти 80% случаев употребления конструкций с обязательным компонентом *в + Вин. надеж* составляют предложения пространственной семантики, которые делятся на две большие группы: со значением движения и со значением перемещения. Еще около 10% составляют конструкции акцио-нальной семантики. Периферию же (10% от общего количество примеров) формируют конструкции семантически не элементарные, которые, тем не менее, образуют несколько четко выделяющихся структурно-смысловых групп.

Литература

1. Е. В. Падучева. Динамические модели в семантике лексики. М., 2004.
2. Т. В. Шмелева. Смысл предложения и семантика минимальной структурной схемы // Русский язык за рубежом. 1978. № 5 (55).

Функциональные типы локумной лексики

Е. А. Фёдорова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

fedelen@mail.ru

Денотативные роли, синтаксемы, локум, лексическая семантика

Summary. The report examines a particular class of roles which can be described as 'localizer nouns'. The primary function of these nouns is to indicate 'place, location, container' (in the sense of the syntaxemes locative, directive, transitive [2]). The report demonstrates the necessity to differentiate among three types of localizer nouns, namely role 'indicator', 'typizator' and 'concretizator', each of which require specific investigation. The report further describes the structure, types and peculiarities of such Russian-language 'localizer nouns', as well as their function in modern periodical texts. The analysis is based on the materials provided in the 'Russian Semantic Dictionary' [4], and the electronic collection of periodical texts named 'Russian Newspapers at the End of the 20th Century', established by the LECLL of the philological department at the MSU (1 million word contexts) [3].

Одним из важнейших объектов изучения современной семантики являются денотативные роли. В лингвистических исследованиях не раз отмечалась связь между лексическим значением слова и составом наиболее типичных для него денотативных ролей. Эту связь хорошо отражает понятие первичная роль [1]. Группу слов с одним и тем же набором первичных денотативных ролей можно рассматривать как особый функциональный объект — ролевой класс. Описание лексики с точки зрения ролевых классов представляет собой одну из важных задач, решение которой станет новым шагом в функциональном описании языка.

Предметом нашего анализа является особый ролевой класс, который можно назвать «существительные — лока-

лизаторы». Первичной для них является роль типа «место, местонахождение, вместилище» (в терминах синтаксиса **локатив, директив, транзитив** [2]). Исследование выполнено на материале [4], а также «Русского газетного корпуса конца XX века» ЛОКЛ (1 млн. словоупотреблений) [3].

В докладе обосновывается необходимость выделения 3 типов локализаторов:

(1) **ролевые указатели** — локализаторы, указывающие на что-либо в окружающей среде как на место (ср. *место, область, местность, пространство, сфера, район* и др.);

(2) **типизаторы** — локализаторы, называющие и характеризующие само место (ср. *лес, океан, река, гора, долина, поляна, город* и др.);

(3) **конкретизаторы** — локализаторы, уточняющие расположение локализуемого предмета (ср. *центр, середина, край* и др.).

Каждый из этих 3 типов локализаторов требует специального исследования. Так, для ролевых указателей, выступающих в качестве аналогов местоимений, прежде всего, необходимо определить условия выбора той или иной лексической единицы (ср. проблему описания условий употребления слов *место* и *район, место* и *пространство* и пр.).

Для конкретизаторов принципиально важен вопрос об особенностях сочетаемости — с каким локумом какой конкретизатор должен употребляться (ср. *край дороги / ?край дома / ?край улицы*). Кроме того, они отличаются большой многозначностью, и для них необходимо определять, какое из значений является наиболее частотным — пространственное или непространственное (ср. *центр города* и *музыкальный центр*).

Типизаторы представляют интерес, прежде всего, с точки зрения дифференциальных признаков, которые закреплены в их лексическом значении и отражают языковую картину мира.

С функциональной точки зрения важно исследовать не только состав и значения лексических единиц, но и особенности их функционирования в текстах разных типов. Так, проведенный нами анализ современных газетных текстов показал, в частности, что конкретизаторы можно разделить на четыре группы:

1) лексические единицы, для которых характерно только пространственное употребление (*верховье, кратер, опушка, отрог, северо-восток* и др.);

2) лексические единицы, которые чаще встречаются в пространственном, чем в непространственном употреблении (*обрыв, окраина, окрестность, перевал, устье, экватор* и др.);

3) лексические единицы, которые встречаются как в пространственном, так и в непространственном употреблении (*подножие, хребет* и др.).

4) лексические единицы, которые чаще встречаются в непространственном, чем в пространственном употреблении (*вершина, глубина, горизонт, дно, исток, конец, начало, ось* и др.).

Сфера непространственных, метафорических употреблений конкретизаторов в газетных текстах очень велика, что проявляется в их разнообразной сочетаемости (*дно сознания, истоки клуба, власти, ось истории, пик продаж* и др.).

Литература

1. Аполлонская Т. А., Глейбман И. З., Манолы И. З. Порождающие и распознающие механизмы функциональной грамматики. Кишинев, 1987. С. 74–75.
2. Золотова Г. А. Синтаксический словарь: Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса. Изд. 2-е, испр. М., 2001.
3. Материалы Электронного корпуса «Русские газеты конца XX века», созданного в ЛОКЛЛ филологического факультета МГУ (объем словоупотреблений — 1 млн.).
4. Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / Под общ. ред. Н. Ю. Шведовой. Т. 1–3. М., 2002.

Пути и аспекты описания отыменных релятивов

Е. С. Шереметьева

Дальневосточный государственный университет (Владивосток)

priatkina@mail.primorye.ru

Служебное слово, производный предлог, релятив, конструкция, контекст

Summary. The author of this paper proposes some ways of description of derivative prepositions in Russian language.

Новообразования предложного характера требуют «поименного» изучения. Такой подход обусловлен не только получившим популярность общим направлением пословного описания служебных единиц, но и самим языковым материалом.

Пословное описание, например, союзов, строится на основе результатов многолетних разносторонних исследований этих единиц: выявлена и подробно описана специфика союза как служебной единицы, созданы классификации, выработаны подходы к описанию. Каждый союз так или иначе вписан в общую систему и теперь требует заключительного этапа — как можно более полного индивидуально-представления уже на новом витке — с учетом всех имеющихся о каждой единице сведений, с учетом всех возможных параметров описания.

Иначе обстоит дело с новообразованиями предложного типа, в том числе — с отыменными образованиями. Не только потому, что этот языковой пласт в научном отношении очень мало разработан, но прежде всего из-за того, что данные новообразования представляют собой класс единиц с весьма размытыми краями. Даже квалификация их как служебных единиц требует доказательств.

Представляется, что для выработки критериев и установления параметров описания, которые отражали бы сущность данных единиц, необходимы многосторонние наблюдения над значительным числом **отдельных** единиц.

Наш небольшой опыт исследования отыменных образований (до определения их статуса в системе мы используем рабочий термин «отыменные релятивы») [1] позволил выделить несколько позиций, по которым интересно проверить как можно большее количество единиц. Это:

1. Установление границ, в пределах которых функционирует единица (сфера действия релятива). Определение типа конструкции (количество и характер компонентов). Сфера действия релятива может ограничиваться рамками двух слов слева и справа подобно словосочетанию, но может и выходить за эти пределы, причем по разным направлениям. Проверка релятивов с этой позиции позволит решить вопрос, существует ли какая бы то ни было система конструкций, в которых функционируют новообразования, и есть ли

какие-то закономерности между типом конструкции и типом релятива. На данном этапе установлены закономерности для релятивов, которые можно отнести в группе сравнительных. В то же время конструкции, аналогичные конструкциям с релятивами со значением сравнения, фрагментарно фиксируются для релятивов иной семантики. Следовательно, для того, чтобы подтвердить или опровергнуть гипотезу о зависимости типа конструкции от семантики релятива, необходимо с этой позиции проверить весь массив отыменных новообразований.

2. Определение сочетаемостных возможностей релятива и установление их обусловленности сочетаемостными возможностями базового имени. Кроме самого факта выявления сочетаемости сопоставление с базовым словом позволяет обосновать степень самостоятельности релятивной единицы.

3. Выявление лексико-семантических разновидностей конструкций, характерных для одного и того же релятива. Различие в лексической сочетаемости (если оно есть) может быть настолько сильным, что приходится говорить о разных лексемах (например, **в случае 1:** *в случае аварии разбить стекло молотком* и **в случае 2:** *оглядка равна смерти, как в случае Орфея и Эвридики* [В. Леви. (НКРЯ)]), но может оцениваться как семантическая специфика конструкции. Это позволяет предположить, что один и тот же релятив способен функционировать в конструкциях разных лексико-семантических типов и, следовательно, можно говорить о семантических разновидностях одной конструкции (*ас по части анекдотов — услуги по части розыска; переговоры на предмет создания предвыборного блока — исследование на предмет нового вируса*).

4. Установление наличия или отсутствия типовых контекстов у каждого релятива. Синтагматические возможности отыменных новообразований весьма различны. В то же время обнаружилось, что для ряда релятивов существует некоторый набор контекстов, в которых они функционируют. Такие контексты частично оказываются равными сочетаемости в узком понимании (правый-левый компоненты), но такие же контексты отмечаются и за рамками собственно конструкций (ср.: *удобный прием в условиях кризиса — авторитарный выбор в условиях России равносильен отказу*

от либерализации — Работа в условиях цензуры — это однозначно плохо?). Выявление всех возможных контекстов и их типология — задача, которую можно решить только при тщательном исследовании каждой релятивной единицы.

Литература

1. Шереметьева Е. С. Отыменные релятивы современного русского языка. Семантико-синтаксические этюды. Владивосток, 2008.

Семантика и функционирование предлогов *в* и *на* в русском языке

Л. Г. Шibaкова

Челябинский государственный педагогический университет
112522@mail.ru

Предлог, пространственные отношения, вариативность употребления

Summary. The variability of the use of prepositions «in» and «on» in old and modern Russian language.

Исторически предлоги *в* и *на* относятся к словам, употребляемым в русском языке с дописьменной эпохи. Они восходят к общиндоевропейскому словарному фонду и принадлежат к важнейшей и древнейшей части ядра лексического состава русского языка. Они многозначны.

С точки зрения лексикографии предлоги *в* и *на* совпадают в главной семантической функции — передаче пространственных отношений. Для предлога *в* основным является значение 'направление куда-либо или нахождение где-либо', а для предлога *на* — 'поверхность, на которую сверху располагается или куда направляется что-либо'.

Принято считать, что предлог *в*, оформляющий винительный падеж, употребляется при выражении отношения действия, состояния к внутренней стороне предмета, предлог *на* — при выражении отношения к поверхности предмета.

Анализ употреблений пространственных предлогов при некоторых конкретных физических локальных объектах, представляющих собой участки закрытого / замкнутого пространства или открытого, природного или организованного и обустроенного человеком пространства, показывает, что выбор в пользу одного из предлогов не всегда логически мотивирован и не поддается рациональному истолкованию.

Параллельность функционирования предлогов *в* и *на* при передаче некоторых пространственных отношений рассматривается в исследованиях Р. В. Болдырева, Н. И. Букатевица, К. С. Горбачевича, Т. П. Ломтева, Д. С. Станишевой, В. П. Топорова, Е. Херасковой и других ученых, которые обращали внимание на отсутствие уже в древнерусском языке последовательной дифференциации предлогов *в* и *на* даже в одинаковых лексико-семантических позициях: *пой-*

ти в поле — пойти на поле, убежать в лес — убежать на лес, ехать в город — ехать на город и другие.

Р. В. Болдырев связывает факультативное употребление пространственных предлогов с преобладающей русской литературно-разговорной и литературно-письменной тенденцией расширения локально-финальной семантической сферы употребления предлогов.

А. Пеетерс-Подгаевская, изучая памятники деловой и бытовой письменности XIV–XVII вв., предположила, что смешанное употребление предлогов *в* и *на* при локальных объектах в одних и тех же сходных ситуациях связано не с тождеством функций двух разных предлогов, а с тем, как мыслит носитель древнерусского языка эти объекты — как закрытое вместилище или как открытое пространство, а также с тем, что в них представлялось ему главным при языковом выражении формы данных объектов.

Параллелизм употребления предлогов *в* и *на* в современном русском языке является также объектом пристального изучения.

Вариативность предлогов *в* и *на* попытались объяснить представители и социологической лингвистики.

В последние десятилетия стали преобладать конструкции с предлогом *на*. Это связано с расширением семантики указанного предлога.

Таким образом, употребление предлогов *в* и *на* в современном русском языке обычно функционально мотивировано, а появление вариантов в речи нередко зависит от «смешения диалектов», а также от расширения сферы функционирования предлога *на*, ограничивающего лексико-грамматические условия употребления предлога *в*.

Морфосинтаксические типы немотивированных и мотивированных предлогов русского языка

Д. В. Шагина

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
dill.dg@gmail.com

Доклад посвящен вопросам выявления и систематизации морфосинтаксических типов немотивированных и мотивированных предлогов русского языка. Работа проведена в рамках межнационального проекта «Славянские предлоги в синхронии и диахронии: морфология и синтаксис». Изложены некоторые принципы, на которых базируется проект, необходимые для понимания представляемого исследования:

1. Мы работаем в рамках функционально-коммуникативной лингводидактической модели языка [1]. Она направлена, прежде всего, на выявление механизмов функционирования языка. Такая модель сформировалась как осмысление теории и практики преподавания русского языка иностранцам, но подходит и для анализа фактов языка в целях его собственно грамматического описания.

2. Русскоязычная часть проекта занимается всеми предложными единицами русского языка, под которыми мы понимаем совокупность предлогов и их эквивалентов (словоформ, в определенных условиях выполняющих функции предлога, оставаясь в рамках своей части речи). Последние до сих пор находились за пределами нашей грамматики.

3. Мы рассматриваем функционирование предложных единиц как один из фрагментов категории управления, которую мы вслед за Е. С. Скобликовой [3: 32] определяем не просто как вид подчинительной связи, а как формальный способ

включения существительных в синтаксические построения, что включает в эту категорию и именительный падеж.

4. «Предлог как часть речи — это класс служебных лексических единиц, служащих (в синтетических языках, в том числе, в русском — вместе с субстантивным падежным окончанием) средством выражения семантико-синтаксической роли существительного (или его субститута, или других единиц) в высказывании и (в некоторых случаях облигаторным) средством введения их (припредложных единиц) в предложение. Каждый предлог обладает своим специфическим лексическим значением (которое может быть ослабленным), вносящим свой вклад в значение синтаксемы существительного или его субститута, и определяет падежную форму последнего («управляет» ею) (в том числе и именительный падеж N₁). Предлог не является частью морфологической формы слова, но входит на правах составляющей в синтаксическую форму слова — синтаксему». [2]. Каждый предлог, формирующий отдельную синтаксему (даже если формы припредложного компонента идентичны: *в дом* [зайти] и *в дом* [вложить деньги]), мы рассматриваем отдельно.

5. Мы исходим из тезиса о полевой структуре Языка в целом, и русского языка — в частности. Анализ показал, что целесообразно выделять отдельное функционально-грамматическое поле предложных единиц русского языка, сфор-

мированного дихотомической многогранговой системой морфосинтаксических типов предлогов и их эквивалентов.

6. При выборе материала мы не ограничиваемся признанной нормативностью единиц (что не означает отрицания нормы как таковой). Мы считаем, что: 1) носитель языка может нарушать норму, но не может систематически выходить за пределы системы своего языка, 2) объектом лингвистики должен быть язык в целом, а не только его кодифицированная составляющая.

В работе представляются результаты анализа собственно предлогов, то есть ядра поля. К собственно предлогам мы относим те единицы, которые выполняют в языке **только** функцию предлога, вне зависимости от степени их структурной сложности (ср.: **от** кого-чего и **в непосредственной близости от** кого-чего): 1) у них есть свое место в системе морфосинтаксических типов; 2) они не могут быть введены в высказывание самостоятельно, без припредложного компонента (или его нулевой формы).

В докладе будет представлена сама систематизация и показано, что:

1. Выбранная часть языкового материала представляет собой систему пропорциональных оппозиций, когда отношения между членами одной оппозиции аналогичны отношениям членов какой-либо другой (или нескольких).

2. Пропорциональные отношения между оппозициями прослеживаются на нескольких уровнях системы.

3. Количество уровней, на которых выделяются пропорциональные оппозиции, зависит от места этих оппозиций в общей структуре поля.

Представленная таким образом система дает, с одной стороны, материал для более глубокого осознания таких основных для структур языка, как грамматическая категория и поле, дает информацию об их взаимодействии; с другой стороны, становится возможным более четко определить общие и различные черты сходных языковых единиц.

Литература

1. Амiantiова Э. И., Битехтина Г. А., Всеволодова М. В., Клобукова Л. П. Функционально-коммуникативная лингводидактическая модель языка как составляющая современной лингвистической парадигмы // Вестник Московского университета. Серия 9. «Филология». 2001. № 6.
2. Всеволодова М. В., Клобуков Е. В., Кукушкина О. В., Поликарпов А. А. К основаниям функционально-коммуникативной грамматики русского предлога // Вестник Московского университета. Серия 9. «Филология». 2003. № 2.
3. Скобликова Е. С. Согласование и управление в русском языке. М., 1971.